

Невеста напрокат, или Дарованная судьбой

Автор:

[Мира Шторм](#)

Невеста напрокат, или Дарованная судьбой

Мира Шторм

Пятнадцать лет назад юный маг, тайком сбежавший из дворца на городской карнавал, встретил незнакомку в маске, чьи губы пахли земляникой, а руки, обнимающие за плечи, отнимали разум. Она была такая маленькая и такая хрупкая в его руках, доверчивая земная девочка. Без всякой магии целовала его, отчего кровь бурлила по венам как шампанское. Слова родовой брачной клятвы, вызубренные с детства, сорвались с губ юноши сами собой. Конечно, это были всего лишь красивые слова. Без алтаря и должного ритуала они не имели силы. Маг был уверен. На рассвете они расстались, так и не сняв маски, потому что страшно было разрушить восхитительное ощущение сказки, которое искрило между ними всю ночь. Юные и легкомысленные. Договорились встретиться в полдень уже без масок и по-настоящему познакомиться. Закусив опухшую от поцелуев губу, она легко вспорхнула по лестнице и исчезла. Как оказалось, навсегда. Его шаари-на, его избранная...

Мира Шторм

Невеста напрокат, или Дарованная судьбой

ПРОЛОГ

Залив Таш

Хоть на миг ощутить себя свободным. Здесь и сейчас, между двумя бесконечными плоскостями – небом и водой. Раствориться в злом гудении натянутых канатов и едва слышном дыхании паруса. До онемения плеч сразиться с дерзким соленым ветром, позволить его влажным пальцам вывернуть душу и вытрясти из нее все лишнее, и лишь потом, пьянея от бурлящего азарта, вернуться к берегу.

Огромные раскатистые волны бесновались у причала, обрушивались друг на друга и грозились разбить непокорную яхту в пыль об острые камни. Сосредоточенный аттар, дав ветру в последний раз врезаться в сине-белый спинакер, ловко убрал паруса, и присмирившее судно мягко ткнулось в причал. Тангавор сбежал по брошенным сходням вниз, к стоящему на пристани советнику и всем своим проблемам, которые он позволил себе на короткий миг оставить на берегу.

Тангавор Скай-Дарао, аттар мира Краор, надеялся, что там, среди соленых брызг и яркого солнца, его вдруг осенит и неразрешимая задача обретет свое решение. Увы. Эйфория обернулась злостью, обласканные морем нервы скрутились в тугой узел, кипящая кровь и неудовлетворенность жалили изнутри и требовали выхода.

Мотнув головой другу: «Не сейчас!» – Тангавор стремительно направился к белому чайному дому на другом конце пристани, схватил выходившую из дома девушку, увлек обратно в помещение и захлопнул дверь.

Советник медленно направился следом. Ветер играл с его рубашкой, теребил рукава и соблазнял запахом соленой воды. Мужчина развернулся лицом к заливу и остановился, упиваясь мимолетным желанием окунуться. К нему подбежал Дрей, глава охраны. После коротких переговоров советник тяжело вздохнул и продолжил путь к чайному домику, где, кажется, уже стихли женские стоны.

Предстоял тяжелый разговор. Когда он вошел в белый дом, покрасневшая от удовольствия Зоя уже собирала свои черные волосы в хвост. Одернув юбку и сбившийся передник, девушка нерешительно застыла у дверей:

– Мне остаться, господин?

– Иди, девочка, – тихо ответил вместо аттара советник и развернулся к Тангавору. – Полегчало?

– Едва ли...

Советник понимающе кивнул.

Пятнадцать лет назад Тангавор Скай-Дарао совершил ошибку: вздорный, юный, он тайком сбежал из дворца на городской карнавал и шутя прочел родовую брачную клятву смешливой девчонке в маске. Губы незнакомки пахли земляникой, а объятия отнимали разум. От обычной человечки в венах бурлило шампанское и кружило голову. Тангавор встретил девушку на площади, когда она, чуть ли не визжа от восторга, схватила его за рукав во время салюта. Пьяные от счастья, музыки и общего веселья, они без всякого нудного знакомства окунулись в шальную вседозволенность маскарада. Танцевали, ели одну на двоих пряную тиммалу, кидали монетки в фонтаны.

Она была такая маленькая и такая хрупкая в его руках, нежная девочка, которая без слов доверилась ему. Без всякой магии целовала его до дрожи в ногах. Слова клятвы, вызубренные с детства, сорвались с губ Тангавора сами собой.

На рассвете они долго стояли, обнимаясь перед гостиницей «Медная лилия», где жила девушка. По ее словам. Ни имен, ни лиц они так и не стали открывать, не желая разрушать восхитительное ощущение сказки, которое искрило между ними всю ночь. Юные и легкомысленные, они договорились встретиться тут же – в полдень и уже без масок. И лишь тогда по-настоящему познакомиться. Закусив опухшую от поцелуев губу, незнакомка легко вспорхнула по лестнице и исчезла за дверью. Как оказалось, исчезла навсегда.

Она не пришла в полдень. А уже через полчаса стража по приказу Тангавора подняла на уши всю гостиницу. Позже ночной портье подтвердил, что некая девушка, подходящая под описание, заходила рано утром, постояла около двери, а потом выскользнула обратно, так и не сняв маску.

Ни имени, ни лица.

Далеко не сразу Тангавор понял, что надо было не просто искать своими силами девчонку, а перевернуть весь город. Утром ночной хмель схлынул, и стало казаться, что это маленькое приключение – всего лишь приятный эпизод, не более. Тангавор ведь даже не видел лица незнакомки. Подумаешь, от воспоминаний что-то рвалось внутри – это не любовь, а простое возбуждение от шальной толпы, музыки и танцев.

А клятва? Без алтаря и должного ритуала слова не имели силы. Он был уверен. Без храма, спрятанного от глаз обычных людей на неприступных островах на краю земли, – это всего лишь красивые слова.

Среди нескончаемых песчаных бурь стоит пристанище Семи богов. Высокие стены цвета слоновой кости вычищены песками, тяжелые двери из каменного дерева украшены барельефом, огни неугасаемых свечей заигрывают с темнотой в ожидании гостей. Айянер, нашедший свою любовь, входит туда со своей избранницей, и милостью богов выходит уже со своей невестой, со своей Шаарина. Во время обряда в храме влюбленные обмениваются кровью, чтобы айянер всегда мог найти свою избранницу и никакие бури судьбы не смогли бы разлучить предназначенных друг другу.

Именно так совершают обряд помолвки обычные айянеры, не наделенные особой силой.

Не было красивого обряда, не было ритуального обмена кровью, да только вскоре проступила татуировка на теле Тангавора, показывающая, что обряд помолвки все же совершился. Вне всякого сомнения, обнимая у фонтана хрупкую сладкую девочку, айянер прогневал богов, когда произносил те роковые слова, а она соглашалась и шептала ему: «Да...» Без всякого обряда и алтаря коварные боги наполнили слова Тангавора силой, признали девочку его нареченной невестой, а после позволили ей раствориться в жаркой карнавальной ночи.

Вот так нынешний аттар мира Краор пятнадцать лет назад обрел и потерял невесту. Неженатый и несвободный, с тех пор Тангавор тщательно скрывал произошедшее, ведь, выходит, он уже тогда обладал такой мощью, что одних его слов хватило для богов. А маги с подобным уровнем силы пропадали в мирах, находившихся под владычеством Доррейона.

Пятнадцать лет Тангавор искал ту смешливую девчонку, чьи губы пахли земляникой, и пятнадцать лет скрывал от всех свою татуировку. А несколько дней назад пришла весть о визите владыки Доррейона. Беспрецедентное событие. Владыка никогда не посещал подвластные ему миры, которых более двухсот.

Советник разлил вино и подал бокал Тангавору.

- Аттар, я поднял все архивы. Убрать или спрятать татуировку никак не удастся.

Тангавор скривился. Он и не рассчитывал на такую удачу. Татуировку можно скрыть от кого угодно, но только не от владыки, чья сила давно вне категорий. Либо рядом с Тангавором будет стоять невеста, либо... возникнут лишние вопросы. И тогда выяснение уровня силы аттара – дело времени.

- Представим Алию?

- Да она поплывет сразу. Доррейон через минуту поймет, что она не защищена от чужих чар, а значит, не моя невеста.

- Найдем замужнюю?

Человеческие брачные клятвы ограждали обычных женщин от чар Высших, поэтому в мире Краор родители стремились выдать девочек замуж как можно раньше, пока на них не успел положить глаз кто-нибудь из Высших. Редкая девушка после ночи с айянером, проведенной под хмелем чар, могла потом полюбить обычного человека. Как одурманенная, она снова и снова искала встречи с Высшими, постепенно теряя способность и всякое желание жить семейной жизнью с равным себе.

- У них совсем другая аура. Не подойдет. Нет, нужна незамужняя девушка, которая не реагирует на наше обаяние. С врожденной защитой от наших чар. Сколько потребуется времени на поиски?

Советник досадливо поморщился, но через мгновение его лицо оживилось.

- Кажется, я встречал такую. Давно, правда. Попробуем начать с нее.

Провинция Милье

Варвара Лайя возвращалась с ночного дежурства. Полная луна медленно растворялась в вуали зари. Сонные улицы умывались водой из поливочных машин, избавляясь от ночной серости, в лужах плескались ранние воробьи. Жизнь вокруг постепенно насыщалась звуками и красками. Варя вдохнула полной грудью и расстегнула свое длинное зеленое пальто, позволив ветру шаловливо пробежаться по коже, прикрытой лишь тонким платьем. Вздрогнув от неожиданного холода, она счастливо рассмеялась. Домой не хотелось.

Ах, как жаль, что в пять утра нельзя побежать к Вадиму! Она бы ему рассказала о Санни, которую завтра выпишет. Четырехлетняя малышка была всеобщей любимицей. Немного грустно и одновременно радостно осознавать, что путь, который они прошли вместе, подходит к счастливому концу.

Она бы рассказала и о Марке, за жизнь которого вчера сражались всей бригадой не один час. Ему предстоит перенести еще немало операций, но он такой сильный и храбрый мальчишка, обязательно справится. Уж она проследит.

Сколько раз ей говорили, что привязываться к пациентам нельзя... Бесполезно. Варя снова и снова отдавала душу каждому маленькому человечку, чтобы тот потом, уйдя в большой мир, унес кусочек ее любви с собой. Больно от этого, как ни странно, не было.

Больно было, когда пациенты уходили в другой мир и никакие умения не помогали удержать их здесь. Старшие коллеги обещали, что потом будет легче. Сомнительно. Сколько раз она видела, как Борисович после очередной потери запирался в кабинете. А про Леонида говорят, что он уходит срываться в тир. И только новые сражения за детские жизни и счастье помогали собраться и отложить скорбь подальше, делая из таких потерь маленькое кладбище в глубине души.

Впрочем, к Вадиму нельзя бежать и в любое другое время. Любовницам не положено. Сам придет, когда захочет.

Варя сняла шапку и вытащила шпильки. Светло-каштановые вьющиеся волосы рассыпались по плечам. Ох, как же хорошо. Тяжело все-таки целую смену носить туго заплетенный пучок под шапочкой. По коже головы словно прокатилась волна прохладной истомы.

Может, подстричься? Не надо будет на смене стягивать длинные волосы на затылке. Многие девчонки в хирургическом переходили на короткие стрижки – ведь все равно под шапочкой ничего не видно. Но Варя тут же вспомнила, как Вадим любит запускать свои руки в ее волосы, как скручивает их в кулаке во время секса. Нет, лишенная большого женского счастья, она не отдаст от маленького ни пяди.

Сделав крюк через парк, девушка добралась до дома. У подъезда стояла незнакомая машина с включенными фарами. Вроде ничего странного, но Варино сердце забилось быстрее от смутной тревоги. Запахнув пальто и скрыв волосы под шапкой, девушка поспешила к двери, доставая на ходу ключи. Захотелось быстрее обойти пугающую машину и оказаться дома. Каблуки предательски громко стучали по асфальту, в голове шумела кровь.

Да что ж такое, откуда такая беспричинная тревога? Когда Варя уже почти миновала незнакомую машину, дверца резко открылась, по-настоящему напугав. Девушка дернулась и бросилась к спасительной двери в подъезд.

– Варвара, подождите! Простите, не хотел вас напугать!

Услышав свое имя, Варя замерла и медленно обернулась. И чего перепугалась? Наверное, это какой-то знакомый. Хотя кто может искать встречи в пять утра... Странно. Перед ней стоял мужчина. Высокий, мощный, под его тяжелым и одновременно снисходительным взглядом по телу Вари пробежала дрожь. Руки дернулись к шее, стискивая воротник пальто.

«Высший», – осознала она, понимая теперь, откуда столь непонятная тревога. Но как очутился в их городке айянер, да еще знающий Варю по имени? И почему ждет ее у подъезда в пять утра?

Мужчина молчал, доброжелательно улыбаясь. Видимо, ждал, пока волна страха схлынет и Варя придет в себя. Смелая – читалось в его взгляде, – не кричит, не убегает. Лишь стоит и кутается в пальто, словно оно способно защитить.

Вдруг он нахмурился:

– Вы вышли замуж?

От неожиданного вопроса Варя растерянно моргнула, и липкая тревога начала рассеиваться.

«Ах, он про кольцо на пальце», – дошло до нее. Врать не хотелось. Кто знает, вдруг он умеет различать ложь?

– Нет. – Она замялась, не зная, что сказать дальше.

Хочет ли он знать причину? Сможет ли она в двух словах объяснить? В ее возрасте незамужними чаще всего бывают только маары – айянеровские шлюхи. Исключений, конечно, хватает, но обручальное кольцо лучше всяких объяснений охраняло ее от излишнего любопытства или презрительных взглядов. Не будешь же каждому объяснять, что ей нет дела до Высших, которые, слава богам, практически не бывали в ее провинции. А если бы и появились, то кольцо оградило бы и от их внимания. Всем известно, что замужние женщины айянерам не нужны.

А этот Высший о причинах и не спросил, и даже, кажется, обрадовался такому короткому ответу. Варя запоздало поняла, что подставилась. Сейчас он как включит свои чары... Нет, чушь все это, зачем ему провинциальная Варя?

Но волна страха снова начала подниматься вдоль позвоночника, заставляя девушку сделать шаг назад. Да что же это такое? Мужчина, улыбаясь, шагнул к ней и остановился. Потянул носом, словно был в состоянии унюхать что-то важное с такого расстояния, а затем довольно ухмыльнулся, напугав Варю сильнее этими странностями. Вдруг глаза Высшего ярко блеснули, а воздух как будто сгустился...

«Ох, пропала», – подумала Варя, ожидая, что ее вот-вот захватят чужие чары. Она уже качнулась в сторону Высшего, но тут поняла, что в целом ничего не изменилось. Все то же утро, все тот же высокий мужчина, и она сама та же, без лишних непредсказуемых желаний. И почему она вообще решила, что он захочет ее очаровать? Вот дурочка.

– Мне нужно с вами поговорить, Варвара. Сможете уделить мне несколько минут? – Мужчина был странно радостен.

Мысленно ущипнув себя, Варя попыталась собрать мысли в кучу. Эмоциональные качели словно выбили почву из-под ног, а ситуация начинала все сильнее раздражать. Неожиданно для самой себя девушка рассердилась:

– Простите, я устала, очень. У меня смена только что закончилась, я хочу в душ и спать. Ваш важный разговор может подождать?

Варя понимала, что такой тон недопустим при общении с Высшим, но усталость брала свое, сил на вежливость не было. Не дожидаясь ответа и не глядя на незнакомца, девушка развернулась и вошла в подъезд. Борясь с тошнотворным головокружением, Варя поднялась в свою квартиру и без сил свалилась на диван.

Советник проводил взглядом хрупкую фигуру девушки (пусть придет в себя) и спокойно сел в машину.

«Устояла перед чарами четвертого уровня! И так хорошо пахнет... – восхищенно подумал Высший. – То, что надо!»

Впрочем, нужно будет разобраться, как такое возможно. Что это за мутация такая? Но это – потом. Сейчас важнее ее уговорить влезть в сложную аферу по обману самого владыки. Уговаривать придется на многое. Принуждать нельзя – слишком много зависит от ее игры. Должна сама согласиться. Советник успел разглядеть девушку из окна машины до того, как она запахнула пальто и снова надела шапку. Хороша. Стройная фигура, длинная шея, густые волосы. И лицо приятное. И кажется, его совсем не узнала, не вспомнила.

Советник сказал водителю:

– Едем.

И махнул рукой неприметному парню в конце двора, приказав следить за подъездом. Нечего мозолить местным глаза, задерживаясь у этого дома в дорогой машине, лишнее внимание советнику ни к чему. Шофер вырулил со двора, и через несколько поворотов автомобиль влился в нарастающий утренний поток.

Советник открыл досье на Варвару Лайя.

Молодая женщина. Детский хирург, почти год как ординатор. До университета жила в приюте Святой Кассары. Строгое заведение, между прочим. Попала туда в пять лет после смерти родителей.

Человеческая традиция сгонять сирот в унылые дома, лишая их детства, всегда вызывала у айянеров удивление и брезгливое осуждение. У Высших такое невозможно. Каждый ребенок, особенно сирота – это дар народу. Его берегут, холят и лелеют. И ни один ребенок у Высших не останется без семьи.

...Не замужем, детей нет. Странно, конечно, надо будет все-таки узнать, почему так сложилось. Ведь после появления в этом мире айянеров слишком укоренилась среди людей традиция пораньше выдавать девочек замуж. Как же Варваре удалось проскочить тиски общественного давления?

Пора послать аттару первую добрую весть за последнее время.

Даэрстан, столица мира Краор, дворец аттара

От короткого звука пришедшего сообщения первой проснулась Алия. Сообразив через несколько секунд, что это коммуникатор Тангавора, повернулась к настенным часам. Еще даже шести нет, надо же! Спальню окутывала неплотная предутренняя серость. Недовольно вздохнув, Алия посмотрела на спящего аттара. Он рядом. Спит, как всегда, на спине, занимая большую часть кровати. Одна рука на груди, вторая под головой. Простыня сбилась на уровне бедер.

«Эгоистичный самец», – мысленно фыркнула Алия, разглядывая загорелое подтянутое тело аттара. Зевнула, сладко потянулась и поднырнула под теплую руку Тангавора, прижимаясь к нему всем телом. По губам мужчины скользнула улыбка. Его рука лениво прошла по спине Алии вдоль позвонков к обнаженным лопаткам и обратно, выписывая кончиками пальцев волнительные узоры. Девушка невольно качнула округлыми бедрами, выдавая просыпающееся возбуждение. Тягучим движением аттар перевернулся и подмял ее под себя. Между переплетенными телами побежали первые всполохи пьянящей энергии, которая вскоре накрыла обоих с головой...

Тангавор сбежал на первый этаж, по дороге бросив замершему у лестницы секретарю, что вернется через час. Свернул в тренировочное крыло и вышел к бассейну. Скинув одежду, он разбежался и прыгнул, без брызг уйдя под воду. Рукой коснувшись дна, Тангавор открыл глаза и расслабился, позволяя потревоженной воде ворочать его тяжелое тело на месте, словно та не могла решить – утопить аттара или выбросить на поверхность. Не дожидаясь «решения», он сделал мощный гребок руками и вынырнул. Разогретое тело жаждало работы. Заплыв на пятьдесят метров, минутный отдых, еще один заплыв и еще – пока мышцы не перестали слушаться.

Аттар лег на воду. В голове тишина и покой от первой хорошей новости за неделю. Советник нашел ту, которая прикроет его задницу во время визита владыки. Интересно, какая она, эта Варвара? Сможет ли ее игра усыпить подозрительность Доррейона?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Знаешь, как много

может измениться

в жизни человека

всего за одну ночь?

Глава 1

Провинция Милье

Проснулась я внезапно, не сразу сообразив, что именно меня разбудило. Перевернулась на бок и хмурым взглядом обвела комнату. Выцветшие обои, старенький шкаф, возле окна – письменный стол, а рядом – кресло. У дивана тумбочка с вязаной салфеткой – соседка, баба Тома, подарила. Все простенькое и такое родное. Отчего же так гадко на душе, отчего ломит тело и горчит во рту?

Кажется, я нахамила Высшему. Самому айянеру! При воспоминании об утренней встрече в голове застучала кровь, и я мысленно застонала. Что теперь будет? Стремясь смыть с себя липкую тревогу, я долго стояла под горячим душем и мысленно проговаривала, что бояться пока нечего. Не помогло. Паника накатывала волнами и все туже стискивала горло, не давая дышать. Обернув полотенце вокруг тела, я бросилась к окну и рывком потянула на себя створку. Звонко лопнула бумага, посыпались кнопки и куски утеплителя, в распахнутые окна радостно ворвался весенний ветер и взметнул парусами белые занавески.

Мартовское солнце клонилось к закату, уютный двор нежился в его косых золотистых лучах. Мирно и совсем по-весеннему чирикали птицы в ветвях. Пусто. Ни странной машины, ни Высшего. Только привычные лица.

Оля со второго этажа гуляла с годовалым Ваней. Смешной карапуз. Кажется, соседку свою приглашаю в гости лишь ради возможности просто поваляться рядом с играющим малышом, любуясь на него. Баба Тома шла из магазина и что-то кричала мальчишкам – те снова залезли на крышу детской горки. Сосед с пятого этажа, насвистывая веселую мелодию и размахивая колотушкой, со

скрученным ковром брел к дому. Наверно, он и разбудил меня, когда выбивал пыль.

Я стояла у распахнутого окна, не обращая внимания на ледяной воздух, и наслаждалась звонкой тишиной обыденной жизни. Паника потихоньку отступала, ей на смену приходила запоздалая неловкость за свое поведение. Вот что стоило просто выслушать Высшего? Катя, лучшая подруга и по совместительству коллега, давно уже говорит, что я переработала и на все реагирую излишне нервно. Тот Высший ведь слова плохого не сказал и явно спешил на встречу со мной.

Подруга права, мне в последнее время все сложнее и сложнее быть спокойной и рассудительной. Остается надеяться, что мой резкий ответ все-таки не оскорбил Высшего.

По голым плечам ползли холодные капли, стекая с волос, руки покрылись пупырышками. Сообразив, что нет ничего глупее, чем мерзнуть у раскрытого окна с мокрой головой, я захлопнула створки. Нужно привести себя в порядок, ведь Высший обязательно вернется, в том нет сомнений. Было что-то в его глазах такое... будто он решил с моей помощью свою задачу.

И, словно в ответ на мои мысли, раздался размеренный стук в дверь.

Я метнулась было открывать, но потом сообразила, что, кроме мокрого и короткого полотенца, на мне ничего нет, и бросилась за халатом. На ходу застегивая пуговицы, подбежала к двери и, уже не спеша открывать, севшим голосом спросила:

– Кто?

Ох, зря я стояла у окна, только простыть не хватало.

– Варвара, я от Сотара Ти-Данего, вы говорили с ним утром.

Открыла дверь. На лестничной площадке стоял молодой мужчина в костюме и приветливо улыбался. Короткие волосы, симпатичное лицо. Он прошелся взглядом по моим голым, посиневшим от холода ногам, по пушистому халату и

мокрой голове.

– Советник Сотар Ти-Данего приглашает вас на ужин. Спускайтесь, как будете готовы.

Я неловко переступила с ноги на ногу и вздрогнула. Мужчина едва уловимо кивнул головой, развернулся и ушел, а я еще несколько мгновений стояла у открытой двери и слушала затихающие на лестнице шаги.

Ужин? Меня пригласили на ужин? Мое согласие, видимо, не требуется?

Значит, Сотар Ти-Данего, советник. Ого! И тут до меня дошло, что утром я, забыв всякую почтительность, некрасиво обошлась со вторым человеком в стране, выше только аттар – правитель. И похоже, советник совсем не рассердился, раз пригласил на ужин.

Удушливый стыд накрыл с головой. Теперь этот важный человек сидит где-то и ждет, когда же я приведу себя в порядок?

Я метнулась в ванную и начала суматошно сушить волосы. Руки тряслись, и вместо привычной волнистой укладки получилось облако непослушных кудрей. Пришлось стянуть их в ненавистный пучок. Не было ни времени, ни терпения выбирать наряд. Торопливо натянув простое темно-синее платье, в котором обычно ходила на работу, я схватила пальто и выскочила во двор.

В надвигающихся сумерках машину я увидела не сразу. Мелькнула мысль, что с этой работой на улице бываю только по темноте. Перевела дыхание и попыталась взять себя в руки – я же взрослая женщина, а не нервная девчонка. Хотя по сегодняшнему поведению и не скажешь.

Медленно и спокойно я пошла к выезду со двора, где разглядела черный силуэт знакомой машины. Пора выяснить, что от меня нужно Высшему.

Дорогой салон и сдержанное приветствие. Короткий путь в неловком для меня молчании. И спустя двадцать минут я мрачно смотрела на знакомое здание.

Ресторан «Золотой рояль». Дурацкое название. И ресторан дурацкий. И ситуация тоже дурацкая. Не будешь же объяснять Высшему, который явно хотел как лучше, что я с некоторых пор не переношу данное заведение, хотя и была в этом пафосном и известном на весь город ресторане всего три раза.

Сотар Ти-Данего, молчавший всю дорогу, кажется, моего состояния не заметил и сделал приглашающий жест. Я сглотнула ком в горле и постаралась отгородиться от болезненного прошлого. Может, все к лучшему и плохие воспоминания я смогу перекрыть хорошими? Возможно ли белой краской закрыть черные кляксы? Может, если в несколько слоев, то все получится?

Красивый ведь ресторан. Отдельно стоящее здание из темно-серого камня, с огромным панорамным окном, такое строгое и неприступное снаружи и удивительно легкое и нежное внутри. Когда-то я была покорена этими белыми стенами с мелкой ажурной резьбой. Высокий светлый потолок с мириадами ярких точек ночью превращается в звездное небо. Дымчато-серые прозрачные колонны слегка светятся изнутри...

И мужчина рядом красивый. Я покосилась на Сотара. Спокойный прямой взгляд светло-серых глаз и едва уловимая улыбка тонких губ. Подтянутый, уверенный в себе, он взял из моих рук пальто, которое я так и не надевала, и повел мимо большого зеркала в зал.

Я бросила взгляд на свое отражение. Попытки выстроить хорошее настроение провалились: а платье у меня дурацкое, прическа тоже.

Я шла словно в тумане, отмечая, что вот за этим столиком Роман сделал мне предложение, а там, на низком диване, мы с менеджером обсуждали свадебный торт.

О третьем своем визите сюда вспоминать было очень стыдно. Я тогда пряталась за колонной и роняла в тарелку соленые слезы, а в другом конце зала сидели уже не мой Роман и его беременная жена. На свою беду увидела, как они заходят в ресторан, и, как пьяная, ворвалась следом.

Роман ушел от меня за месяц до свадьбы. Эхом прошлого зазвучал в голове его пронзительный голос: «Ах ты, пустобрюхая тварь!» И щека будто дернулась от давней пощечины.

Новость о бесплодии обрушилась на меня совершенно неожиданно, в клочья разрушив счастливую жизнь. А ведь я всего лишь решила провериться перед свадьбой, хотела, чтобы все было хорошо. А Роман? Спустя время я поняла, что он просто сожалел о затраченных на свадьбу и путешествие деньгах. Педант и любитель планировать. Мужчина, у которого все должно быть идеально. Я поставила его своим известием в патовую ситуацию: и семья без детей – неправильно, и отмена свадьбы накануне торжества – неприлично. Он думал о себе, о своей репутации, о расходах... о многом думал... но не обо мне. И сердце болело не оттого, что от меня отказались, а оттого, что я изначально была не важна для Романа.

Задумавшись, я не сразу поняла, что погруженный в полумрак ресторан пуст. В центре – мягко подсвеченный стол, играла тихая спокойная музыка. Из-за стойки с любопытством выглядывали официанты, видимо, ресторан, снятый целиком ради двух посетителей, – событие редкое.

– Вина?

Я кивнула. Подумалось, что в мерном гуле бесед заполненного посетителями ресторана говорить было бы легче.

– Варвара, а ведь мы с вами встречались раньше, не помните?

Я снова кивнула и поджала губы. Да, еще по дороге сюда в вязкой тишине машины я вспомнила, что видела этого Высшего раньше.

Почти шесть лет назад, на защите диплома перед интернатурой.

Наш выпуск был очень сильным, на защиту приехали люди из министерства, среди которых был и этот айянер. Несмотря на основную специальность «детский врач», я замахнулась на социальную сферу. У меня был амбициозный проект по реорганизации системы детских домов, с точки зрения не просто детского врача, а психолога и бывшей воспитанницы детдома. Я вложила все знания, всю душу в этот проект, который, как мне казалось, мог бы дать детям, лишенных родителей, более подходящую среду для взросления. Комиссия отнеслась к моей идее скептически, но пятерку я получила.

А вот айянер остановил меня в коридоре и похвалил. Предложил обратиться к нему, если я захочу воплотить свой проект в жизнь. Я была так счастлива от полученной пятерки, от похвалы и от того, что все позади, все закончилось... что в порыве чувств обняла незнакомого Высшего. Он посмотрел на меня странным взглядом и бросил загадочное:

- Ну надо же...

Потом развернулся и ушел. Смелости ехать в столицу с проектом, который все называли красивым, но утопическим, у меня не нашлось.

Принесли салаты, и я порадовалась, что не пришлось страдать над меню. Сотар Ти-Данего стал расспрашивать о том давнем проекте, и я смогла отвлечься, почувствовав под собой знакомую почву. Мы смеялись и пили вино. Советник говорил со мной так искренне, что вскоре стало совсем не важно, кто и что вокруг дурацкое. Я рисовала на салфетке, а он внимательно слушал. У меня даже возникла шальная мысль, что советник здесь ради меня и моей мечты.

- Варвара, хотели бы вы воплотить свою идею в жизнь?

От этого вопроса я чуть не подпрыгнула. Ох, он еще спрашивает? Ладони вспотели от волнения и хмельной радости: я уже предвкушала дальнейшую работу над проектом, о котором пыталась даже не вспоминать.

- Да, конечно! Но... - Я замялась. - У меня нет опыта в данной сфере.

- Это все решаемо. Будут и нужные люди, и деньги. Это в моей власти. А в вашей - согласиться на небольшой контракт... всего на месяц. А потом мы вернемся к вашему проекту.

- Что за контракт?

- Чтобы обсудить его, нужно подписать соглашение о неразглашении.

- А если я не захочу?

Сотар Ти-Данего некоторое время молчал.

Так вот ради чего ужин – чтобы предложить мне таинственный контракт, а разговоры о моей мечте – всего лишь попытка меня расположить, купить. И никто не будет возиться со мной, если откажусь.

Передо мной на стол легли листы с уже готовым соглашением. Я внимательно его прочитала – вроде ничего подозрительного. Поставила подпись и подняла настороженный взгляд на Сотара. Интуиция не обещала мне ничего хорошего.

– Варвара, по контракту, который мы заключим сегодня, вы должны жить во дворце несколько недель и... изображать невесту аттара.

Я была оглушена абсурдностью и нелепостью данного предложения. Зачем им это? Почему я? Вопросы хаотично метались в моей голове.

Но я задала, похоже, самый щекотливый:

– Что значит – изображать? Насколько... – я преодолела секундную неловкость, – правдоподобно?

Советник спокойно улыбнулся.

– Да, Варвара, и в постели тоже. – Он написал что-то на салфетке и протянул мне. – Это сумма вашего гонорара.

В глазах потемнело. К горлу подступила тошнота. Я застыла, пытаюсь вникнуть в смысл его слов.

Как он мог... как он мог приволочь меня в этот ненавистный ресторан, протащить меня по ранящим осколкам худших воспоминаний, как посмел он извлечь на свет мою давнюю мечту и осквернить ее своим мерзким предложением? Побывать эскортом за... размер суммы плохо укладывался в голове.

– Я не шлюха, – ответила осипшим голосом.

– Маарам платят гораздо меньше...

Я побледнела. Мне было без разницы – больше или меньше. Я не смогу, не смогу воплощать свой проект, помня, что за это право заплатила своим телом.

Меня мутило. Это все какая-то недобрая шутка. Недавно пьянящее вино обернулось ядовитым дурманом, снося остатки спокойствия. Я вскочила, путаясь в скатерти. Кажется, что-то разбила.

Сотар пытался что-то объяснить, убедить, что я все не так поняла. Кто-то попробовал перехватить меня на выходе. А я накричала в ответ.

Я сбегала... от ненавистного ресторана, от болезненных воспоминаний, от этого жуткого вечера, который резонировал внутри меня со всем «дурацким» и ранил в самое сердце...

Фальшивое кольцо на пальце жгло кожу. Я так хотела им отгородиться от репутации маар... но, похоже, мало преуспела...

Глава 2

Домой я добралась на такси... и вот снова утро, а я, проведя в ознобе всю ночь, так и не смогла найти хоть одно нормальное объяснение тому, что вчера произошло. К утру бешеная гонка нескончаемых вопросов без ответов начала утихать и в голове наступило неприятное отупение. Злость на советника ушла, и я смирилась с фактом непристойного предложения.

Кто знает, может, для Высших все это нормально? Наверное, не стоило устраивать скандал.

Но все так неудачно сложилось! Ресторан, который разбередил старую рану, Сотар, который так умело нашел мое самое слабое место. Я была просто не готова спокойно принять происходящее.

Одно знала точно: мой ответ был честен. Я в любом случае не смогу. Не смогу спастись с чужим мужчиной за деньги, будь он хоть самым аттаром.

На работу в итоге я вышла, ощущая себя откровенно больной.

Ходила по коридорам больницы и кому-то кивала. Молча осматривала больных и выписывала направления. Мыла руки перед операцией и отвечала на вопросы коллег. На автомате выполняла свою работу и ничего не чувствовала. Все мысли и чувства были закрыты настолько наглухо, что внутри ощущалась лишь свинцовая тяжесть и хотелось стукнуть себя, чтобы разбудить.

Я ходила по палатам, сидела в кабинете, слушала людей... и при этом меня там словно и не было. А в голове все сильнее шумело, все острее и острее билась о виски боль.

После обеда меня отловила Катя и зажала в углу, сунув в одну руку стакан воды, а в другую – таблетку.

– Пей, на тебе лица нет. Заболела?

– Ничего страшного, сейчас приду в себя.

Не глядя, я приняла лекарство и обняла подругу.

– Ты чего?

– Ничего, Катюш, я в порядке.

Даэрстан, столица мира Краор, дворец аттара

Тангавор молчал. Сжав зубы и засунув руки со сбитыми костяшками в карманы, он стоял в зеленых покоях, где под мрачным взглядом правителя притихшие слуги избавлялись от малейших следов присутствия здесь женщины. Обезличивали шкафы и полочки, стирали отпечатки Алии с мебели, меняли покрывала, ковры и шторы.

Не нужно было ее сюда селить. Во дворце хватало женских покоев, но Алия была ураганом, сметающим все на своем пути. А Тангавор не слишком сопротивлялся, но сегодня ему пришлось все прекратить.

Сцена была безобразная в своем безмолвии. Атттар вернулся к Алие через несколько часов после того, как мят ее разгоряченное тело на холодных простынях. Любуясь тщательно выверенным образом невинной девочки, он пытался решить, какие слова в данной ситуации будут менее пошлыми. Как сказать о том, что их отношениям пришел конец? Может, мертвый язык, который они учили вместе, скажет более ясно?

We're done...

Done...[1 - Между нами все кончено... Кончено... (англ.) Здесь и далее примеч. авт.]

Не смея задумываться, любит ли он Алию, аттар понимал, что выгонять ее до омерзения тошно. Он стоял перед ней и молча стискивал кулаки. Пусть она все поймет сама, пусть простит, пусть просто уйдет и будет счастлива где-то в другом месте.

Все закончилось...

We're done.

Было бы легче, имей он право сказать, что дело не в ней, а в нем. Чудовищно банальная фраза больно резала своей правдой.

Остро необходимо выжить. Ему. Это его игра, и он жертвует Алией, как пешкой. Нужно, чтобы все вокруг были уверены, что некая Варвара теперь его невеста. Не просто уверены, а забыли напрочь, что рядом была другая женщина.

Алия, хрупкая, гибкая, как ивовая веточка, умудрилась снести ту стену отчуждения, которую аттар неизменно выстраивал между собой и вереницей любовниц. Может, именно поэтому он и позволил ей поселиться во дворце и занять главные женские покои. Можно было оправдываться, что это ради удобства, ведь эти покои смежные с комнатами правителя. Но Тангавор

понимал – ему всего лишь хотелось, чтобы в покоях, изначально созданных для его супруги, кто-то жил. Ему нравилась эта иллюзия полноты жизни.

И вот теперь ему нужно все закончить. Собственными руками вырвать из своей жизни ту единственную, которая смогла подобраться к его сердцу ближе всех и при этом ничего не требовала взамен. А на это место привести ничего не значащую для него женщину и сделать вид, что он до омерзения счастлив и влюблен.

Done, done, done – стучала кровь в висках от едкого гнева.

Алия долгих несколько минут смотрела в его глаза. Растерянная и побледневшая.

– Are we done?[2 - С нами покончено? (англ.)]

Аттар вздрогнул.

– Прости, – глухо сказал он, – это все равно случилось бы рано или поздно. Мы договаривались.

Сначала неловко и медленно, а потом торопливо, дрожащими руками она стала собирать вещи. Сразу – не попытавшись что-то спросить, выяснить, потребовать, в конце концов.

Уже неделю Алия отчаянно пыталась прогнать ощущение надвигающейся катастрофы. Тангавор был хмур, молчалив, в постели жесток, словно разнузданный секс мог что-то изменить. И Алия металась по дворцу, пытаясь понять, что именно вывело всегда спокойного и уверенного в себе аттара из равновесия.

Но все было как обычно, только предчувствие бури заставляло периодически тоскливо звенеть натянутую струну внутри Алии. Все было как обычно, пока она не увидела его окаменевшее лицо и сжатые до посинения кулаки. Он стоял перед ней, холодный и при этом такой беззащитный.

– It's over[3 - Все кончено. (англ.)], – жалобно тренькнула разорванная струна.

Перед глазами плыло от слез, руки так жалко тряслись, хотелось сесть на пол и некрасиво разреветься. Но Алия слишком хорошо знала своего аттара... нельзя. Не простит. И она уйдет, ненадолго. Три года, проведенных вместе, не могут закончиться вот так... It's not over[4 - Это не конец. (англ.)].

Не в силах смотреть на ее сборы, Тангавор малодушно сбежал в зал, где до содранных костяшек колотил грушу. С каждым ударом он яростно вспоминал карусель своих эмоций с самого утра.

Раз-два-три, раз-два-три. Отточенные движения... Его пальцы теребят напряженные соски, поглаживая и сжимая их.

Еще и еще, наращивая силу движения... Его рука скользит вниз между раздвинутых бедер, туда, где горячо и очень мокро.

Груша с песком глухо отзывается на побои, а цепи звякают от рывков... Нежная Алия стонет и выгибается, бесстыдно подставляясь его рукам.

Еще и еще... Сильный одиночный удар... Аттар, задыхаясь, зарывается лицом в ее светлые спутанные волосы, впитывая их пряный аромат.

Тангавор застывает и покачивается, перемещая массу тела с одной ноги на другую... Он читает сообщение советника, и свинцовый страх, колючей проволокой сжимающий его плечи, отпускает свою жертву.

И снова удары. Груша взлетает в четком ритме... Он лежит на воде после хорошей тренировки, и бодрящая жажда жизни наполняет его усталое тело и изнуренный ум.

Он меняет позы, заходя то слева, то справа, нанося сильные удары... В конференц-зале они с командой долго обсуждают все вопросы, связанные с приездом владыки Доррейона. Прием, размещение, охрана.

Сильные и злые... медленные удары... Он сидит в кабинете один и изучает досье Варвары Лайя. Исписывает очередной листок многочисленными пунктами, стараясь все предусмотреть, все учесть... Любимое состояние жесткого, четкого планирования... Рука дрогнула, когда аттар осознал то, что так старательно

отодвигал от себя все утро и весь день: а как же Алия?

Удар, удар... еще удар. Аттар зарычал, всю душу вкладывая в последний удар.

Глава 3

Провинция Милье

К концу рабочего дня действие лекарства закончилось, но мне было стыдно идти к Кате и просить еще одну дозу. Второй раз простыми отговорками уже не отделаешься, подруга начнет выпрашивать, что у меня случилось. А мне нечего ей сказать. Я сама себе не могу объяснить, почему мне плохо после вчерашнего.

Сдав смену, я долго сидела на стареньком диванчике в ординаторской и смотрела в пустоту. Забежавший Борисович крякнул при виде меня и ехидно поинтересовался, когда же я сгину с глаз его долой в отпуск. Вяло покивала головой и пожелала хорошей смены – у него сегодня ночная.

Почти не помнила, как добиралась до своей улицы. Запоздало поняла, что все-таки меня просквозило, ощущала, что горю, видимо, у меня все же поднималась температура. Плохо. Я всегда тяжело переношу простуду.

Голова нещадно болела, и я брела от остановки к дому, механически переставляя ноги. В какой-то момент поняла, что сил во мне осталось вот ровно на то, чтобы добраться до двери квартиры, выпить лекарство и нырнуть в постель. Я даже заранее вытащила из сумки ключи, боясь, что потом на это простое движение уже не хватит сил. В голове зашумело, мысли стали вязкими и односложными.

Подходя к дому, я и увидела его. Он стоял, привалившись плечом к дереву, и, не отрываясь, смотрел на меня. Высокий, черноволосый, нахмуренный. Его злые темные глаза изучающе прошлись по моей фигуре и остановились на лице.

– Что, гордая? Да?

Я застыла, совершенно опустошенная, и ничего не смогла ответить. Горькая смесь ярости и бессилия плескалась между нами. Мы оба были злыми и уставшими, только в разных пропорциях. На моей стороне было больше усталости, на его – злости. Я отрешенно отметила, что нет никакого повода для таких крайних чувств: подумаешь, сделали странное предложение, а я не согласилась. Под этой луной и не такое бывает. А солнце я сегодня снова толком не видела.

Из моих ослабевших пальцев выпали ключи и жалобно звякнули об асфальт. Я вздрогнула, с трудом отведя взгляд от лица аттара, и попыталась наклониться. Вдруг накатила тошнота, и я начала оседать на землю. Как же не вовремя...

Он подлетел ко мне и подхватил на руки:

- Ты же вся горишь!

Вдыхая тонкий аромат мужского парфюма, я мрачно отметила, что мы, оказывается, уже на «ты», и погрузилась в темноту.

Тангавор сидел на подоконнике маленькой кухни и пил кофе, то и дело морщась. Напиток – дрянной растворимый и наверняка дешевый. Да и откуда на такой убогой кухне взяться хорошему? Во рту от этого поила оставался какой-то железистый привкус. Или это от воды из-под крана? Но аттар все равно пил уже третью чашку. Энергии от этой имитации никакой, но спать не хотелось. Организм словно шел на поводу у ритуала – раз кофе выпит, не важно какого качества, изволь бодриться.

В комнате на узком диване металась Варя.

Странное дело, но та бешеная взвинченность, что тугой пружиной выворачивала нервы аттара все последние дни, при виде этой хрупкой девушки, едва стоящей на ногах, схлынула, оставив после себя холодную рассудительность.

Едва Варвара начала мягко заваливаться, как аттар подхватил ее на руки, не давая упасть. Подскочившие мгновением позже охранники подобрали

валяющиеся рядом ключи и открыли двери.

Взбежав по лестнице, аттар внес девушку в квартиру и положил на диван. На шум выскочила какая-то пожилая дама, которая представилась Тамарой Васильевной. Железная тетка – без истерик и унылых причитаний, она сбегала на этаж выше и приволокла за руку какого-то хмурого тощего мужика в очках – врача, как оказалось.

– Василий! – буркнул он при крепком рукопожатии и деловито осмотрел девушку, а потом укоризненно взглянул на Тангавора и спросил: – Вы кто?

– Жених. – Лицо аттара даже не дрогнуло от этой бесстыдной лжи.

– Что же вы, жених, за невестой совсем не следите? – попенял Тангавору врач Василий и расписал схему лечения. Поворчал, что Варвара совсем себя загоняла на работе, и ушел, наказав позвать его, если пациентке станет хуже.

Вылив остатки кофе в раковину, Тангавор вернулся в комнату к Варе и влажной тканью мягко обтер ее лицо и шею. Заботливо поправил одеяло и сел рядом, разглядывая девушку. Он пытался вспомнить, какого цвета ее глаза, отчего-то это стало вдруг очень важно. Его рука невольно потянулась к ее лицу, захотелось взять его в ладони и легонько дунуть, разбудить девушку, чтобы разрешить волнующий его вопрос.

Раздался тихий стук в дверь. Тряхнув головой, чтобы сбросить наваждение, Тангавор вышел в коридор, впустил советника и жестом пригласил на кухню.

– Кофе?

С сомнением взглянув на жестяную банку, не оставляющую иллюзий по поводу качества напитка, Сотар поморщился:

– Воздержусь.

Аттар усмехнулся:

- После трех чашек становится все равно, - и налил себе четвертую за эту длинную ночь.

- Как девушка? - равнодушно спросил советник.

- Сказали, к утру жар спадет, ничего страшного. Надавали лекарств, инструкций, бульона вон принесли. Я теперь сиделка. - Тангавор шутливо развел руками.

- И как они отнеслись к присутствию самого пресветлого аттара в скромной обители местного врача? - подхватил ехидный тон советник.

- Никак, они видят здесь лишь обычного парня. Навел морок, сказался женихом.

- Силен, - уважительно протянул Сотар.

- Не надо, - помрачнел Тангавор, - мне эта сила только проблемы приносит. Алию вчера выгнал из-за нее.

- Ты не любил ее. Не веди себя как мальчишка, у которого отняли игрушку! - отрезал Сотар.

- Мне было с ней хорошо.

- Не спорю, Алия умная девочка и всегда давала тебе все, что нужно. А что давал ей ты?

Тангавор молча отвернулся к окну. Он знал, чего хотела Алия. Семью, детей. То, чего он ей дать не мог. Скрыть от нее татуировку труда не стоило, но придумывать лживые оправдания своей отчужденности он не стал, понимая, что ранит чувства девушки.

- Хочешь, угадаю, почему ты зол? Потому что знал, давно знал, что Алию однажды придется выгнать. Пока она молода и может еще найти мужа, который будет стареть вместе с ней, а не оставаться рядом неприлично молодым. Но ты тянул, ты пригрелся возле нее и позволил ей врасти в тебя. - Тяжело падавшие слова советника звучали очень резко.

– Не надо, Сотар... я просто хотел сделать это по-своему, постепенно, – глухо ответил аттар.

– Отговорки, – фыркнул советник.

Тангавор стоял у окна и невидяще смотрел сквозь помутневшее от дыхания стекло, словно взвешивая за и против, прежде чем начать говорить:

– Две недели назад я свозил Алию в храм Семи богов, сказал, что на экскурсию, погулять. А сам думал, ну чем Хаос не шутит, вдруг сработает. Она не смогла войти. Я смог, а она нет. Стоял внутри и слушал, как ветер носит между стен шепот богов – приведи свою избранную... Приведи... Где же я ее возьму? За столько лет мы, кажется, уже всех рыжих девушек этого мира перебрали. – Тангавор с силой сжал чашку, и та жалобно захрустела.

– Значит, незнакомка была крашенная, – спокойно отметил Сотар.

– Тогда поиски вовсе бесполезны. – Аттар сделал последний глоток мутной кофейной бурды.

– Ну почему же, лет через двадцать где-нибудь обнаружится подозрительно не стареющая женщина, если не погибнет от какой-нибудь случайности. – Советник отобрал у Тангавора пустую чашку и поставил ее в раковину.

– Я тогда почувствую. Поставь чайник, я пока схожу проверю, – сказал мрачный Тангавор, выходя из кухни.

Когда вода закипела, советник поставил на стол с льняной скатертью две чашки, в которые кинул коричневый порошок.

– Травиться, так вдвоем, – весело бросил он вернувшемуся аттару.

– Надо будет купить ей хороший кофе. Эту субстанцию мы явно прикончим сегодня сами.

– Какой тут странный привкус у воды.

– О, тоже заметил?

Мужчины молча тянули горячий напиток.

– Что будешь делать с Варварой? Может, пригрозить чем-нибудь?

– Сдурел? Совсем хватку потерял! – вдруг рассердился аттар. – Сначала провалил простые переговоры, теперь и вовсе ерунду предлагаешь... Она же возненавидит нас за шантаж. И даже если согласится в итоге, то игре ее будет грош цена. Знаешь что... – И Тангавор резко встал. – Поезжай-ка ты домой и возьми на себя правление, а я тут задержусь.

– Вот и отлично, ты наконец голову включил, стоило тебя рассердить. – Советник, ничуть не обидевшись, поднялся и направился к выходу из квартиры. – У меня особо и не было шансов. Такую девушку, как Варвара, о подобном спектакле может просить лишь близкий человек. Тем более мы оба знаем, что одним месяцем игра, возможно, не ограничится...

Проводив Сотара, Тангавор вернулся в комнату и сел на полу возле изголовья дивана. Жар спал, и девушка разметалась по постели. Проведя ладонью по прохладному, покрытому испариной лбу, аттар мягко поцеловал Варвару в висок с прилипшей влажной прядкой.

– Что ж, Варвара Лайя, значит, будем сближаться...

Глава 4

Очнулась я в постели, под одеялом. Насквозь промокшее платье неприятно холодило кожу. В голове царил тяжелая пустота, а в горло будто насыпали песку. Несколько минут пыталась понять, что же произошло. А вспомнив, резко дернулась и попробовала сесть. Увидела спящего в кресле напротив аттара и, не успев закончить движение, пораженная свалилась обратно. Видимо, моя возня разбудила его, потому что он тут же открыл глаза и подался вперед, заволаживая меня внимательным взглядом:

– Ты как?

Я и слова не могла выдать. Айянеров положено бояться или обожать, если они того пожелают. Все виденные мной Высшие вызывали смутную иррациональную тревогу. Но не аттар. Сейчас мне хотелось смеяться. Изнутри поднималось неуместное веселье, и я боялась рот открыть, дабы не оскорбить столь высокую особу истеричным хохотом. Слишком уж несуразной была представшая мне картина. Простенькая обстановка, старое потертое кресло и его светлость аттар. Мягкий, взъерошенный, слегка небритый и удивительно уместный. Запоздало поняла, что это он донес меня до дома и уложил. А еще, кажется, мало спал – вон какие синяки под глазами. Видимо, у меня был жар, теперь понятно, почему платье влажное, наверно, за ночь пропотела. Захотелось в душ, но я продолжала молча разглядывать Тангавора Скай-Дарао. Который также молча разглядывал меня. А в голове становилось все светлее, и я наконец вспомнила, по какому поводу мы так «удачно» вчера столкнулись. Внутреннее веселье разом рассыпалось снежной морозной крошкой, и я вздрогнула. Аттар, спокойно до этого наблюдавший за моим лицом, видимо бесхитростно выдававшим весь спектр моих эмоций, тут же чуть нахмурился и сказал:

– Если тебе неприятно мое присутствие, я сейчас уйду. Но прежде ты съешь пару таблеток, что оставил добрый врач Василий, и выпьешь вкусный бульон великодушной Тамары Васильевны. Тогда я буду спокоен за тебя.

Борясь с приступом гнева, я пыталась сообразить, как в своем понимании мира связать пресветлого аттара и бульон бабы Томи. Моя растерянность была слишком очевидна, и аттар, отбросив мрачный шутливый тон, доброжелательно заметил:

– Ты своим обмороком вчера полдома напугала, лечили, что называется, всем миром.

– А вы своим присутствием разве никого не напугали? – Мой угрюмый хриплый голос испугал даже меня. Боги, как же хочется пить.

– Все видят во мне обычного парня, когда мне это нужно. – Аттар вдруг поднялся и вышел из комнаты. Вернулся буквально через мгновение со стаканом воды.

Я снова попыталась сесть, на сей раз успешно.

– А я? – выдавила глухо.

Тангавор Скай-Дарао аккуратно поставил стакан на тумбочку у дивана и снисходительно развел руками. Ну да, глупый вопрос. Я со всей очевидностью вижу перед собой аттара. Самого правителя! Мои щеки обожгло краской стыда. Я спрятала лицо за стаканом, схваченным трясущимися руками.

– Уходите, – почти прошептала.

– Я на кухню, приводи себя в порядок. – Аттар бережно перехватил у меня опустевший стакан и вышел из комнаты.

Мрачно проводила его взглядом. Сил устраивать скандал и выставить самого правителя из квартиры не было. Да и страшновато.

Я долго стояла под душем и пыталась разобраться в собственном комке чувств. Укоренившийся уже гнев на дурное предложение, страх и тем не менее робкое любопытство: вот зачем такому красивому айянеру, обладающему всеми благами мира и умением зачаровывать женщин, фиктивная невеста, да еще и я в этой донельзя странной роли. Стыд за обморок. Страшно подумать, как это все выглядело вчера вечером... Ох, и накануне я тоже отличилась. Едва ощутимая благодарность за заботу, щедро сдобренная неловкостью перед тем, кто настолько выше по положению, что аж дурно.

Я медленно намыливала тело и перебирала все свои ощущения. Раз за разом возвращалась к равнодушно сказанной фразе «и в постели тоже». Проклятье, почему эти мысли преследуют меня и тревожат? Я ведь ни за что не соглашусь, почему же просто не перестать об этом думать? Я не маара. Яростно начала оттирать себя мочалкой под тугими струями воды, мучительно пытаюсь заделать трещины в своей броне. С отчаянием признаваясь самой себе, что идея прыгнуть в постель к аттару на какую-то секунду перестала казаться мне столь ужасной. Что со мной? Ох, это все его чары! Вот мерзавец...

Ошпаренная простой догадкой, я выскочила из душа, не вытираясь, накинула халат и бросилась на кухню.

– Уходите, сейчас же! – Хриплый голос некрасиво сорвался на писк, меня от резкого движения повело.

Аттар молча сгреб меня в охапку, обнял крепко и долго держал, глядя по мокрым волосам.

Я попыталась вырваться, возмутиться, но слабое тело и осипший голос предали меня в этой борьбе. Вскоре я бессильно повисла у него в объятиях, запутанная в собственных эмоциях и происходящем...

Оторвав зареванное лицо от его промокшей рубашки, я смогла наконец выдавить:

– Зачем вы меня зачаровывали?

Его плечи дрогнули, а потом он мне шепнул в ухо, обжигая горячим дыханием:

– У тебя иммунитет к нашему обаянию, Варвара, я бы не смог, если б даже осмелился.

Мне вдруг стало стыдно. Боясь наговорить лишнего, я вывернулась из сильных, смущающих меня рук и скрылась в ванной. Вот дура! Встала перед зеркалом и хмуро посмотрела на свои кошмарно опухшие глаза. Так хотелось быть взрослой, уравновешенной, мудрой... а в последние дни жуть что вытворяю. Я терла холодной водой щеки и пыталась понять его последнюю фразу, смысл которой стремительно ускользал. Что там сказал аттар? Что у меня иммунитет? К чему? Лишь уловила, что он не использовал свои чары, выходит, я совершенно зря на него вспылила.

Мысленно застонала от острого желания позвонить Вадиму. Чтобы он сказал свое неизменное и снисходительное: «Это все ерунда, Варечка...» Чтобы отвлек меня рассказами о своей работе. Мне нравилось его слушать. Когда позволяло время, после секса мы валялись среди сбитых простыней и подушек. Он что-то рассказывал, а я обнимала его руками и ногами так крепко, как могла. Вадим морщился, но терпел. Меня в такие моменты накрывало ощущение полноты и покоя. А он все говорил, говорил. Я, признаться, мало вслушивалась в его слова, мне нравилось ощущать низкий голос, гудящий внутри его сильного тела. На мои попытки рассказать ему о своих проблемах он отвечал, легонько щелкая по

носу, и успокаивал:

– Ерунда и пустое, нечего переживать. – И снова возвращался к своему неспешному монологу.

Иногда мне на миг становилось обидно, а потом я понимала – он просто верит в меня. Это помогало взять себя в руки и разделаться с возникшими неприятностями. Я словно отталкивалась от его слов и выныривала из очередной проблемы. Раз он говорил, что ерунда, значит, я не имела права не справиться. Обычно так и случалось.

Но Вадима сейчас нет, звонить нельзя, а на кухне чужой мужчина, который пугает меня извращенной логикой своего поведения. Я держала ладони под струей холодной воды и безостановочно шептала:

– Это все ерунда, все ерунда...

Позже я закрутила на голове полотенце и, запахнув поплотнее халат, шмыгнула в комнату. Подсушила, как смогла, волосы, заплела косу и подняла наверх, заколов шпильками. Надела нарядную блузку с высоким горлом и длинную юбку. Вот теперь взрослая и приличная. Тряхнула головой и решительно пошла к ожидавшему меня аттару. Пора выныривать из омута тревог, страхов и сомнений.

На кухне стоял одуряющий аромат кофе, незнакомый и пряный. Обескураженно я посмотрела на стол, где находились две дымящиеся чашки, потом на Тангавора. Тот, заметив мою реакцию, довольно улыбнулся. Обежав глазами кухню, с удивлением обнаружила новую медную турку с тонким ажурным орнаментом и пачку незнакомого молотого кофе.

– Приношу свои извинения, но твой восхитительный кофе закончился ночью. Я все выпил. А это моя компенсация.

Я только и смогла, что смущенно выдавить сиплое «спасибо». Сложно мне было понять, всерьез он говорит или шутит. Села за стол, обхватила горячую чашку ладонями и поднесла ее к лицу, чтобы утонуть в тонком терпком аромате действительно хорошего кофе. Явно не чета той бурде, которую пресветлый назвал «восхитительной». Все-таки шутит. Я сделала маленький глоток и

зажмурилась. Что-то говорить было неловко.

– А я думал, врачи не болеют, – разбил тишину тихий голос Тангавора.

Я вздохнула и нехотя ответила:

– Врачи тоже могут сдуру постоять с мокрой головой на холодном ветру у окна.

– Интересные у вас способы самообразования.

– Скорее способы самоистязания, – заметила я, и мы снова замолчали.

Было так хорошо сидеть и делать маленькие глоточки хорошего кофе. Тишина между нами совсем не напрягала, и в какой-то момент стало легко поверить, что все это ерунда и пустое. Сейчас еще чуть-чуть, и точки над «ё» расставятся сами. На дне чашки остался последний глоток, и я вдруг поняла, что созрела разобраться со всей этой ситуацией. Подняв на расслабленно сидящего мужчину глаза, прямо спросила:

– Зачем вам маара?

Тангавор сразу как-то подобрался. Недавно такой мягкий и вежливый, он вдруг превратился в жесткого и умного правителя. Он посмотрел на меня оценивающе, будто что-то решал, и медленно ответил, плавно поднимаясь из-за стола:

– Мне не нужна маара, мне нужна ты. – В мягком голосе прорезалась сталь.

– Почему? – только и смогла выдавить.

– У тебя иммунитет к некоторым видам наших чар.

Со всей очевидностью я вдруг поняла, что передо мной аттар, который способен просто принудить. В его власти сделать со мной что угодно, даже уничтожить. И никто не заступится. Я замотала головой, чтобы хоть как-то отгородиться от происходящего, и сжалась, словно в ожидании удара.

Он сделал стремительный шаг ко мне, наклонился, схватил за подбородок и приподнял мое лицо к себе.

– Тебе так отвратительна мысль о моей постели?

Я беспомощно замерла, глядя в его хищные и одновременно пугающе ласковые глаза. Он провел большим пальцем по моей щеке, вдруг улыбнулся открыто и весело сказал:

– Тогда обойдемся без противного секса. В конце концов, никого не касается, что между аттаром и его невестой происходит в спальне.

Закусила губу, чтобы не ляпнуть еще что-нибудь, и зажмурилась. Вдохнула – глубоко, как только могла, – и выдохнула. Пусть уйдет, умоляю, пусть только уйдет. Я уже совершенно ничего не соображаю. Мое самообладание давно рухнуло. Мне нужны покой и немного личного пространства. Вдруг теплая рука пропала, и я услышала сначала тихие шаги, а спустя мгновение хлопнула дверь. Ушел? Я распахнула глаза и увидела родную пустую кухню.

В оцепенении я долго смотрела в окно на хмурое отравленное утро. Небо укрылось пеленой толстых серых туч, дождь наигрывал еле слышную грустную мелодию, рисуя крупными каплями на стекле печальные узоры. А на заданный вопрос он так и не ответил. Зато ответил на не заданный. Я снова потеряла кольцо. Все уже совсем не «ерунда и пустое»...

Надо позвонить на работу и взять больничный. В таком состоянии только дома сидеть и перебирать до отупения беспорядочные мысли в надежде, что они сплетутся в понятный узор.

Провинция Милье, Северные горы

Машина, мягко покачиваясь, стремительно неслась по дороге. Прочь от Саддики, где жила упрямая Варвара, в сторону гор на севере провинции, где пологие, заросшие лесом вершины терялись в свинцовых облаках. Дождь струями стекал по гладкой черной поверхности, тихо гудел двигатель. Машина под уверенной

рукой аттара, словно хищная рыбина, рассекала стену воды. И чем глубже она зарывалась в горы, тем сильнее бесился и бился в боковые окна ветер. Следом, стараясь не отставать, неслась вторая машина с тремя личными охранниками, которые мрачно ежились от ощущения собственной бесполезности. Хотя айянерам с их природной ловкостью и невероятной регенерацией мало что могло угрожать на пустой дороге в горах, да и вообще в этом мире, профессиональная выучка требовала прикрывать «охраняемое лицо», находясь рядом, а не бессильно петлять по горной трассе сзади в попытке хотя бы не отстать.

Вскоре Тангавор свернул с шоссе к ущелью с громадными деревьями, покрытыми мхом, проехал еще около километра и остановился перед высоким забором. Беззвучно распахнулись ворота, и аттар въехал на ухоженную, посыпанную светлым щебнем подъездную дорогу. Лес расступился, и перед ним открылось маленькое черное озеро, на берегу которого стоял особняк, выкрашенный темно-синей краской. Мрачный Блархус, скрытый от чужих глаз, – резиденция аттара в этих краях. Ливень неистовствовал, скрывая дальний берег в серой пелене.

Тангавор давно заметил, что, если в душе сидит усталость или бессильная злость, морская вода вымывает, а морской ветер выдувает все начисто. Борьба с непослушным ветром, яхта, скользящая по волнам словно птица, ощущение полета и свободы. Аттар болел морем, и сейчас дождь, хлеставший прямо в окна, вызывал внутри знакомую азартную дрожь перед любимой стихией.

Мужчина открыл дверцу машины, шагнул в стену дождя и поднял голову, позволяя воде смыть с тела выматывающее напряжение двух суток без сна. Он долго стоял, слушая встревоженные волны на озере, а тело знакомо коченело под порывами ветра.

А на крыльце молча и расслабленно ждала Ханна-Мэй, верная помощница. В ее возрасте человеческие женщины уже нянчат внуков, а она почти тридцать лет нянчила Тангавора. Единственной ее заботой было обеспечение комфорта айянера в любом краю этого мира. Второй такой не найти. Она знала привычки аттара лучше его самого, незаметно окружая его теплым коконом опеки во всем, что касалось быта.

Аттар отправил Ханну-Мэй с частью охраны в Блархус сразу после звонка советника, доложившего об отказе Варвары, чтобы помощница могла

подготовить дом к приезду Тангавора. Предупредив Ханну, что будет в Саддике лишь к вечеру, аттар всю ночь работал, отдавая последние распоряжения перед отъездом.

Утром Тангавор покинул столицу, чтобы помчаться на встречу к несговорчивой женщине. Ярость от ощущения, что он зависит от нее и вынужден сорваться и бросить дела, больно кусала и трепала нервы всю долгую дорогу. Есть такие женщины, которые любят для вида сопротивляться, нарочно вызывая у мужчины азарт охотника. В любое другое время Тангавора такая игра позабавила бы, но в тот момент мысль о том, что Варвара оказалась из этих взбалмошных и непредсказуемых девиц, привела его в бешенство. При таком раскладе спектакль становился слишком рискованным.

И только ночью, наедине с Варварой, которая трогательно и беззащитно разметалась по постели, вымотавшийся аттар осознал, что дважды ошибся в этой хрупкой женщине. Первый раз – когда решил, что взрослая незамужняя женщина легко согласится на почти стандартный контракт об эскорте. Второй раз – когда решил, что она затеяла игру «попробуй догони».

Аттар улыбнулся, вспоминая, как она взъерошенным мокрым воробьем выскочила из ванной в огромном пушистом халате и попробовала его прогнать. Он почувствовал на животном уровне, что если сейчас откажется уходить, задавит властью или, наоборот, подчинится и уйдет, то проиграет. И она больше никогда не подпустит его к себе или, наоборот, сломается. Игнорируя свои инстинкты, требующие смять и подавить, он выбрал третий вариант – ворваться в ее границы на равных, обнять и удержать.

Аттар повернулся к дому и улыбнулся Ханне-Мэй, которая наверняка уже наполнила долго пустовавший дом теплом. Зная его с детства женщина совсем не боялась аттара и сейчас по-доброму улыбалась в ответ. Исчезнет ли из глаз Варвары Лайя страх, который отчего-то вызывал у Тангавора болезненное бешенство?

Глава 5

Печаль научила меня танцевать...

Лора Дан

Вечером я включила свою любимую музыку и начала медленно танцевать в темноте комнаты. Пьяная голова от вновь поднявшейся температуры, невыразимо легкое тело, расслабленность от спокойного, ленивого дня, сгущающиеся сумерки. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Нежно звучала музыка, я неспешно переступала босыми ногами. С наслаждением плыла вдоль мелодии, позволяя телу вбирать тягучий ритм. Шаг, шаг и еще. Все смелее и смелее. Движение. Вдох-выдох. Только я и музыка, призванная меня увлечь и освободить. Закрыв глаза, растворялась в звуках, разрешая себе забыть о суете и тревоге, о волнении и беспокойстве... По щекам текли непрошеные капли, это правильно. Тревоги уходят слезами. Движение. Шаг за шагом.

Моя любимая воспитательница Мамика учила:

- Не позволяй страданию вращаться в тебя, танцуй!

И мы танцевали, все двадцать четыре девочки приюта. Я не знаю, откуда взялось смешное прозвище у Марины Кирилловны, но она его сама любила и разрешала себя так называть. Теплым светом отзывалось оно в сердцах девочек, ищущих свои семьи. Больше шести лет прошло, как не стало Марины Кирилловны, нашей общей «мамы». В свое время я успела ее оплакать, и сейчас в памяти хранились лишь добрые слова напутствий и светлая грусть.

Я танцевала, а в груди разрасталось щемящее ощущение единения с чем-то большим, чем я сама. Плыла в океане звуков, ритмов и ощущений. Музыка качала в своих объятиях, кружила и обнимала. Это было прекрасно, и так было всегда. Танец неизменно спасал меня от тоски, непонимания и страха перед будущим. И меня сейчас переполняло счастье, потому что, сбросив груз беспорядочных, раздирающих меня мыслей, я осознала главное – он услышал меня. Мое «нет».

Шаг, шаг и еще...

Уставшая и приятно опустошенная, я шла на кухню, когда в прихожей раздалась тихая трель звонка. Без лишних мыслей, все еще улыбаясь, я широко распахнула

дверь. На пороге стоял аттар. Нагруженный бумажными пакетами, он вдруг улыбнулся и сказал:

– Ужин.

– Хорошо. – Я застыла, глядя на него.

– Ага.

На секунду замявшись, я сделала шаг в сторону, пожимая плечами.

– Ладно...

Я сидела за столом, наблюдая, как он ловко выгружал закрытые контейнеры. Из комнаты лилась моя любимая музыка. И я подумала, как это приятно, прямо здесь и сейчас, видеть перед собой мужчину, который просто принес ужин. Не вспоминать прошлое, не думать о будущем. Не искать причины. Не вдумываться в то, кто он и кто я. Невозможно вот сейчас, после слез и танца, снова вернуться к тревогам и сомнениям. Возможно, потом, когда он уйдет...

В какой-то момент его рука мягко коснулась моего лба: «У тебя снова жар, в обморок не упадешь?» Отрицательно покачала головой и с удивлением прислушалась к себе. Где страх? Откуда веселье? По телу пробежали мурашки от догадки. Ох, я знаю это состояние. Любопытство! Чертово любопытство, которое не одну кошку сгубило. Ведь точно понимала, что ему что-то нужно. Ой, да что тут лукавить – очень даже конкретное нужно: подписанный контракт, лишь в менее мерзкой версии. А мне было весело. Необъяснимое ощущение озорства, словно я задумала подергать тигра за усы. У него совершенно точно есть план действий. Надеюсь, не через пошлое соблазнение, это было бы слишком примитивно и даже обидно.

Закусив губу, я с любопытством наблюдала за ним, ожидая следующего шага, игнорируя напрочь инстинкт самосохранения. Мне хотелось хоть немного понять, что же это за план, а еще в глубине души надеялась узнать, зачем ему именно я. Мне было интересно, как он мыслит, почему поступает вот так... так хорошо. Неужели это все большая игра? Тогда он замечательный игрок, надо признать, и мне ужасно любопытно, что он сделает дальше. Страх не было. Непередаваемое ощущение, что я пока в безопасности и могу насладиться

происходящим. Пару ходов в этой игре я могу позволить ему сделать, прежде чем изгоню из своей жизни. Запах азарта и тайны заглушал едва слышный голос разума.

Он хозяйничал на моей кухне, а я сидела поджав ногу и молча, бесстыдно его рассматривала. Высокий, как и все айянеры. Черноволосый и неприлично загорелый. Рукава белоснежной рубашки были закатаны, обнажая мускулистые руки. Я усмехнулась. Никогда не думала о том, как выглядит наш аттар, но если бы задумалась... вряд ли представила бы его вот таким спортивным, с легким пружинистым шагом и широкими плечами. Настоящий тигр. С усилием перевела взгляд на стол, заставленный тарелками с едой. Ох, я и правда голодная.

Удивилась отсутствию вина в принесенном наборе. А как же спаивание доверчивых девиц, которые пускают малознакомых мужчин к себе домой на ночь глядя? Только гранатовый сок? Ах, какая непредусмотрительность. Я едва подавила смешок. Зато есть мои любимые овощи гриль, и это восхитительно. Рыба в белом соусе, горшочек с тушеной картошкой, тонкие лепешки и зеленое масло в плошке. Нарезка различных сыров и овощей... А когда он достал пиалу с соусом гуакамолем, я чуть не вскрикнула от восторга. Даже слишком хорошо. Слишком идеально. Слишком безумно. Но если это часть игры, сейчас я только за. Только пусть молчит. Молчит и ни о чем не просит.

Я схватила лепешку и положила в центр пару ложек гуакамолем, сверху кусочек козьего сыра и ломтик помидора. Завернула и откусила, невольно застонав от удовольствия. Это какое-то волшебство. Думаю, меня поймет любой, кто привык есть быстро разогреваемые полуфабрикаты, лишь бы не тратить драгоценное время. Еще час назад я не ощущала голода и планировала обойтись чаем на ночь, а теперь смотрела на стол и понимала: каждое из блюд прекрасно, я бы не смогла выбрать лучше. Для больной меня идеальный набор. Я снова с наслаждением откусила.

Молчание между нами явно затягивалось. Аттар периодически искоса поглядывал на меня, а я делала вид, что не замечаю этого. С упоением наслаждалась едой и откровенно веселилась, в ответ по его губам пробегала лукавая улыбка. Мы словно картежники в начале игры, пытающиеся просчитать соперника по мельчайшим жестам. А из комнаты звучала и звучала тихая музыка, под которую я совсем недавно плакала. Так странно. И снова удивилась, как легко с ним молчать.

- Слышала про Древо Жизни? – спросил аттар, когда я насытилась и начала лениво отщипывать кусочки лепешки и макать в соус.

- Прадерево Идайн-Тсури? – Я даже опешила от неожиданного вопроса. Пожалуй, в каждом доме висела картина, изображающая Древо Жизни. Большое, древнее Перводерево в центре материка, которое держит ветвями небо, а корнями обнимает землю и не дает им убежать друг от друга. Существовала даже красивая легенда об их любви. Я пожала плечами.

- Кто же его не знает.

- Хочешь на него посмотреть?

Я аж поперхнулась. Посмотреть на мифическое дерево из легенды? Это как? Картинки в книжке? Ну так вроде я их уже видела. Масса художников пыталась его изобразить в меру своей фантазии. И я тоже, на уроках рисования в детстве.

- Оно действительно стоит в центре материка, – нарочито равнодушно пожал плечами аттар, явно наслаждаясь моим замешательством, – правда, небо не подпирает. Но Идайн-Тсури высотой раз в пять выше всех остальных деревьев, так что со стороны и правда кажется, что оно гладит небо по брюху.

Я пораженно пыталась представить себе такого гиганта, мучительно вспоминая, а сколько метров высотой наши родные березки. Ох, не помню, и воображение пасует.

- Но почему нет фотографий? Если Идайн-Тсури где-то и правда растет, почему же нет ни одного снимка? – Я подозрительно прищурилась.

- Мы не пускаем туда людей. – В его голосе мне послышалась знакомая сталь.

Мое веселье как рукой смахнуло. Я тут же вспомнила, кто передо мной. Высший. Не обычный человек и тем более не просто мужчина. Вот дура, нашла с кем в игры играть. Но если во время ужина мне было просто интересно, то теперь я умирала от желания увидеть Идайн-Тсури своими глазами. Любопытство меня погубит! Досадливо стряхнула остатки лепешки с ладоней. Я с аттаром в поддавки играла, а он, оказывается, в шахматы.

– Я хочу тебе показать Идайн-Тсури. – Снова обманчиво мягкий голос.

Шах.

«Ага, а потом прикопать под ним», – мрачно пошутило мое чувство самосохранения. Я подняла ноги и прижала к груди, обняв колени руками. Волшебство закончилось. Тревоги и сомнения толпились уже у порога, готовые в любую секунду снова спеленать меня. Высший встал из-за стола, сделал шаг ко мне и присел на корточки, заглядывая в глаза. Хотела бы отвести взгляд, да не смогла.

– Тебе нечего бояться. Я принял твоё «нет» и больше не буду просить. Но я хочу ответить на твой вопрос «зачем». А это возможно только там, в долине Идайн. – Тихим голосом он пытался прогнать мои тревоги.

Я мрачно про себя усмехнулась – а вот и мат.

Я проиграла. Что, подергала тигра за усы? Порезвилась? Конечно, я могу отказаться. Легко. И всю жизнь жалеть об этом. Упустить шанс прикоснуться к легенде, побывать там, куда людей не пускают. И узнать тайну аттара, которая заставляет его искать фальшивую невесту.

Ах, до сих пор в голове с трудом укладывается, что Прадерево Идайн-Тсури настоящее и где-то растёт. Согласиться? Поверить Высшему?.. И тоже пожалеть. Кто знает, чем для меня обернется поездка.

«Ах ты ж мерзавец», – подумала я и в злом восхищении посмотрела на аттара.

– Решайся. Можешь поехать со мной или остаться здесь и переживать.

Он прав, я буду переживать. Он нашел мое самое слабое место – ужас от бездействия, помноженный на любопытство. Всю жизнь считала, что грандиозный провал, пусть даже неисправимая ошибка все лучше, чем вообще не попытаться. Пришлось долго учиться в медицине трезвому «ничего неделанию». Мои наставники долго ломали мое желание побыстрее решить проблему скальпелем и терпеливо учили тактике выжидания. Зато на операциях я ощущала себя в своей стихии.

Я молчала. Он не стал ждать ответа, мягко попрощался и просто ушел. Пресловутая тактика выжидания, да? Я застонала.

Шах и мат... Это была великолепная игра, маэстро.

Провинция Милье, Северные горы

К ночи ветер начисто прогнал тучи на восток, и в неподвижное черное озеро вглядывалось чистое небо с мириадами ярких звезд. Озеро отражало их с женской покорностью, принимая всю необъятную мощь ночного купола. Довольный ветер трепал верхушки деревьев и перешептывался с водой. Вернувшийся из Саддики Тангавор расслабленно, широко расставив ноги и засунув руки в карманы, стоял на галечном берегу и наслаждался особой тишиной призрачного темного леса. Где-то ухал филин, чувствующий робкую поступь весны, ворошили старую листву скачущие зайцы, деревья неуверенно шуршали заостренными после зимы ветками, словно проверяли: «Живы? Вроде живы!»

«Она бы услышала», – вдруг подумал аттар, вспоминая лукавые глаза Варвары удивительного золотисто-зеленого цвета. Он таки рассмотрел их в тот момент, когда она, такая новая, незнакомая, распахнула ему дверь. На минуту он растерялся, настолько эта сияющая и расслабленная девушка была не похожа на ту утреннюю встревоженную и колючую Варвару.

Ужин прошел совсем не так, как Тангавор представлял себе. Он хотел быть спасителем наверняка голодной девушки, и если повезет, то и соблазнителем. Но, увидев ее улыбку, с которой она позволила ему зайти на ее территорию, Тангавор стал стремительно придумывать новый план. Со злой досадой он подумал, что никак не может ухватить стиль общения с этой женщиной. Она боится, но не идет на поводу у своего страха. Она не сопротивляется, не выгоняет, внимательна и вежлива. Но полное ощущение, что девушка словно выскальзывает из рук. Как вода. Варвара-вода.

Тангавор прикрыл глаза. Каково бы это было – стоять на берегу вместе с ней?

Глава 6

Утром я, окончательно придя в себя, без раздумий побежала на работу. Пусть только посмеют отправить домой. Сколько себя помню, всегда так болею – остро, тяжело и одним днем. Но вопреки сомнениям мне обрадовались, только Борисович, как всегда, спросил, когда же я свалю с глаз его долой в отпуск. Мол, бухгалтерия уже бумагами нервно машет, давно пора. Отмахнулась привычно и пошла на обход. Зачем мне отпуск? Что я буду делать целый месяц дома?

Бестолково проворочавшись ночь в удушающих объятиях простыней, я решила – ни на какое дерево смотреть не поеду. Без ответов обойдусь. А любопытство давно пора посадить на урезанный паек, а то разрослось до непомерных размеров. К утру решимость закрыть историю с Высшими только окрепла. А когда я вошла в первую палату к моим любимым деткам, я и вовсе забыла прошедшие два дня. Надо же – всего два дня... а такая буря в душе.

Санни выписали еще вчера, без меня. Жаль, попрощаться не успела. На ее месте появилась новая девочка – семилетняя Полина с переломом. Такая озорная и кудрявая, неудачно упала на физкультуре. Ну да ничего, судя по снимку, без смещения, должно быстро зажить. Гипс еще вчера наложили. Вон уже сидит, болтает ногами и с соседками по палате обсуждает мальчишек из соседней. Ах, ну да, у нас там герой всей женской половины нашего отделения. Никита со сложной травмой колена лежит у нас уже второй месяц, большую часть времени проводя на вытяжке. Уж не знаю, кто ему подсказал, да придумал подросток фенечки девочкам плести. А те его в ответ балуют, заботятся в меру своих детских сил. Вот Полина, размахивая здоровой рукой, и рассказывала мне, что он ей обещал сплести зеленую с желтыми полосками по краям.

После обхода отметила, что Марка к нам так и не перевели, видимо, он все еще на первом этаже в реанимации. Надо будет к нему после обеда заглянуть. Да и Катю никак не могу поймать, бегают она от меня, что ли?

Оказалось – да, бегают. Столкнулась с ней на лестнице, а она в глаза смотреть боится.

– Катя, ты чего? – Я растерянно держала ее за руку и пыталась поймать взгляд.

– Варенька, ох... – Катя вдруг обняла меня и захлюпала носом. – Беременна я...

И у меня тоже в носу защипало. Вовсе не оттого, что она ждет ребенка, а я этого не смогу. А потому, что моя любимая рыжая подружка сейчас переживала из-за меня. Вместо того чтобы просто радоваться такому хорошему известию, маялась и боялась мне рассказывать. А еще от радости щипало: ну это же моя Катюшка! У Кати будет ребенок! Так и стояли, обнимались и плакали.

– Катюш, ну что ты, я рада! Не плачь, дуреха.

С Катей мы прошли, что называется, огонь и воду. Неразлучные с детства, из одного приюта. Нас тогда было трое. Я, Катя и Соня. Носили одинаковую одежду, заплетали косы набок. Они обе были рыжие, только у Кати жгуче-медная копна волос, а у Сони были светло-золотые кудряшки, цвета меда. В подростковом возрасте в неловкой попытке выразить к ним свою любовь я даже покрасила волосы хной, чтобы быть, как и они, рыжей. Катя долго переживала, потому что мне совсем не шло, а вымывалось, как назло, очень долго. А потом наши дорожки разбежались, Соня осталась при приюте, рано выскочив замуж, а мы с Катей по квоте попали в медицинский...

Успокоившись, Катя убежала, а я еще долго стояла на лестнице. Ну кого я обманываю? Зачем изображаю приличную, правильную жизнь, если ее, как ни старайся, не будет. Ни мужа, ни детей. Одна работа, да редкие, тайком встречи с любовником. И все.

– Решайся, – поднимался из глубин подсознания голос аттара.

– Это просто поездка, маленькое приключение, – тихонько стучало сердце в ответ.

А я стояла и думала, такой ли уж плохой окажусь, если соглашусь вырваться хоть ненадолго из своей пустой жизни. У Кати будет ребенок. А у меня будет воспоминание о поездке. Разве это плохо? Эх, завидовать плохо. И мне нужна опора, чтобы справиться с непозволительным для подруги чувством.

Сегодня был тихий день. Несколько плановых операций, меня позвали только на две. Берегли, наверно. Один раз только пришлось Борисовичу спуститься в травматологию. А так все штатно, как обычно. Под конец рабочего дня я снова зашла в палату девочек, согреться теплом детских сердец. А там была война! Девочки кричали и возмущались. Когда я поняла причину их спора, мое сердце пропустило удар. Оказывается, добрая медсестра Антонина Петровна принесла им наш запас цветных карандашей и кусок ватмана, попросив нарисовать Древо Жизни. Мол, стенки в коридоре пустые, нужно украсить. И девочки до хрипоты спорили о том, как должно выглядеть мифическое дерево. Любимый сюжет, который по многу раз рисуют дети. В таком совпадении не было ничего странного. Почти.

– Варвара Андреевна, вот скажите, какой оно высоты? – набросились на меня раскрасневшиеся девочки. Ох, надо попросить Антонину повязки потом проверить. Лишь бы швы не разошлись, вон как распереживались.

– В пять раз выше обычных деревьев...

Девочки примолкли и явно ожидали от меня продолжения рассказа. Я взволнованно закусил губу... Ох, что же все одно к одному-то? С трудом взяв себя в руки, я стала ходить по палате, поправляла подушки, помогала девочкам удобно устроиться на постелях, гладила их по головам и самозабвенно фантазировала. Я сочиняла сказку о дереве, смотреть на которое отказалась из гордости и самосохранения, осознавая, что подобными чувствами в старости не согреешься.

Выйдя из палаты, я нашла Борисовича, схватила его за руку и, борясь с волнением, выпалила:

– Хочу в отпуск!

Следующие два часа пролетели как во сне. Я летала по больнице, подписывая бумаги в разных кабинетах. Каждый раз с замиранием сердца открывала очередную дверь. А вдруг сейчас откажут? Но все прошло на удивление легко, словно только меня и ждали, когда же принесу бумаги на отпуск. Даже в бухгалтерии Мария Анатольевна не только быстро приняла мои подписанные листочки, но выдала сразу отпускные. Поворчала и повздыхала, мол, надо было еще с утра прийти, кассу-то она уже закрыла. Но все равно увлекла меня в

соседнюю комнату и вручила мне тоненькую пачку денег: «Ты давай уж отдохни как следует, а то бледная совсем...» Не покидало странное ощущение, что я попала в поток и меня стремительно несет. Все так гладко и быстро получалось.

В конце смены устроили с коллегами тихие посиделки в ординаторской. Я весело отшучивалась на вопросы о том, куда собралась. Вскоре не выдержала, со всеми тепло попрощалась и сбежала.

Домой медленно шла через парк и вдыхала сладкий аромат весны. От нереальности происходящего кружилась голова и пылали щеки.

Мысли о том, что он не приедет, я не допускала. Ни на секунду. Чистое и светлое «я верю» существовало за пределами моего понимания.

– Сотар, я везу ее в долину Идайн.

– Думаешь, она выдержит переход без подготовки?

– Со мной выдержит.

– Если ее не сломает переход, то раздавит правда.

– Не драматизируй.

Тангавор оборвал связь. Незримую уверенность, что все будет хорошо, облечь в слова не получалось. Жалкое бессмысленное объяснение «я верю» застревало в горле. Аттар привык следовать жесткой логике и тщательному расчету.

Положение обязывало. С Варей же он следовал интуиции. Он тогда солгал в разговоре, людей к Древу все же пускают. Да, только после долгой, тщательной подготовки и лишь приближенных к хранителям. А он собирался не только протащить Варвару через барьер, но и выплеснуть всю неприглядную истину ее мира разом...

«Варвара-вода... ты справишься».

В том, что она поедет с ним, Тангавор ни на секунду не сомневался.

Глава 7

Все имеет две стороны...

- Как думаешь, что было раньше всего? - Все-таки он умеет задавать неожиданные вопросы.

- Не знаю... - растерянно ответила я, вглядываясь в предутреннюю хмарь за окном машины.

- Ни-че-го, - сказал Тангавор.

Я укоризненно взглянула на него, такого собой довольного. Ну что за детские шуточки? Фыркнула и невольно улыбнулась в ответ. Рядом со спокойным и уверенно ведущим машину аттаром было непривычно уютно. Расслабленная и сонная, я вновь посмотрела в окно машины на мелькающие сумеречные тени деревьев. Мы выехали аж в четыре утра. Вчера вечером я не удержалась и долго крутила карту доминиона, пытаюсь понять, как тут в центре можно было что-то спрятать. Аттар же тогда на мой вопрос лишь улыбнулся. Интригует, не иначе.

- Вначале было великое Ничто, - снова заговорил Тангавор, - Кахоре, вакуум абсолютный и изначальный. Без времени и пространства, Кахоре не существовал и не осознавал себя. Но, - аттар взглянул на меня и, усмехаясь, нарочито важным голосом сказал: - НИЧТО НЕ ВЕЧНО.

Я слушала с предвкушением. Прямо как в детстве, когда мы с девочками страшилки на ночь друг другу рассказывали. Сдержанный Тангавор оказался замечательным рассказчиком.

И пришел в пустоту Свет. Никто не знает, родился ли он внутри Ничто или пришел извне. Не сразу осознал Кахоре, что его заполняет сияние, а когда ощутил жалящий свет, было уже поздно. Кахоре погибал. Свет пожирал вакуум, заполняя собой и своим сиянием. Может, сразу, а может, через миллиарды лет, кто знает... Времени тогда еще не было. И вот однажды Свет стал всем. И остался от Кахоре только страх пустоты, первобытный ужас перед великим Ничто.

Свет так долго боролся с изначальным и вездесущим Кахоре, что не заметил, как остался один, с ноющей пустотой внутри себя. Больно и тоскливо было единственному богу. И, преисполненный ужасом, Свет создал Тьму из дыры одиночества в своем сердце. Темная, влажная, наполненная тайнами и необузданными силами, она была так прекрасна, что ослепленный желанием Свет набросился на Тьму, дабы покорить ее, подчинить женскую сущность своему мужскому началу. Хищная и строптивая Тьма в ответ набросилась на Свет, чтобы поглотить его, уничтожить, ибо не ведала еще, что сама умрет без Света. И боролись они в бесконечном водовороте страсти, равные и непокорные. И приняли они друг друга как отражение самих себя, как источник познания своей сущности. Это и была любовь.

Аттар помолчал немного и спросил:

– Инь и ян. Видела, наверно?

Я кивнула, соглашаясь, что, пожалуй, «бесконечный водоворот страсти Света и Тьмы» действительно напоминает рисунок на простеньких рыночных кулонах. Я все думала – зачем точки внутри спиралей, а это, оказывается, сердца, наполненные любовью. Надо же, как красиво.

– От их союза родились дети, могучие боги стихий. Раа-Хи – бог солнца и огня, истинный сын своего отца. Дочь Ава-Моана – богиня воды, рек и морей, истинное дитя своей матери. И близнецы Харан-Ги и Хат-Гор – боги воздуха и земли, равновесные чада своих родителей.

Аттар снова замолчал. Небо за окном светлело, предвещая близкий рассвет, а я зачарованно перебирала образы, возникшие после рассказа. Вот теплый и яркий бог огня, похожий на отца. Влажная и коварная Моана, истинная женщина. И

близнецы, которые в равной степени могут утонуть во мраке или купаться в свете, быть сухими или наполняться влагой... Чем больше я задумывалась, тем больше мне нравился этот миф.

– Истинные противоположности, застывшие в вечном равновесии любви и ненависти, – снова заговорил аттар. – Неизвестно, сколько существовали боги в своем незыблемом безвременье, пока однажды не родился пятый сын – Хаос. Бог перемен и приключений. Бог испытаний и шуток. Бог созидания. Творец. С его первым криком появилось время и разрушилось равновесие. И отделились боги друг от друга, осознали сами себя.

Тангавор вдруг замолчал, взглянул на меня внимательно и добавил:

– Так появились Семь богов.

Я удивленно соображала, что ведь и правда, столько раз слышала о Семи богах, но ни разу не задавалась вопросом, что это за боги.

– И захотелось богам творить. И сотворили они первый мир. Прекрасный мир, который называли своим родным домом. – Аттар замолчал ненадолго, словно задумался, а потом добавил тихо: – Твой мир.

Я невольно вздрогнула от мысли, что шуточный тон Тангавора совсем незаметно стал тревожно серьезным.

– Свет и Тьма создали день и ночь. Близнецы создали твердь и небо. Бог огня и богиня воды наполнили мир жизнью. Все было прекрасно в этом мире, кроме одного – он словно застыл, и жизнь в нем была пустая. И тогда бог Хаос создал человека, умеющего разрушать и созидать одновременно.

Многие тысячелетия наблюдали боги за творением своим. Мир развивался и радовал создателей непредсказуемостью и независимостью.

Так понравилось богам творить, что решили они создать еще один мир. Потом еще... И каждый мир был особенным, отличающимся от других... В запале созидания покинули боги первый мир и забыли о нем ненадолго. А когда вспомнили и вернулись, то увидели лишь пыль, наполняющую возрожденное

Ничто. Первые люди, дети Хаоса, уничтожили сами себя и целый мир вместе с собой. Уничтожили первый дом богов.

Я замерла, беспомощно переваривая грустный конец такого светлого мифа, глубоко вздохнула и прошептала:

– Как печально и как правдиво.

Я невольно поежилась. Мы и правда такие... Не умеем удержаться от разрушения того, что создали.

А впереди, где дорога терялась в сизой дымке, зарождался рассвет, заслоняя последние звезды. Тангавор больше ничего не говорил. И мне не хотелось. Отрешенно смотрела на жемчужные облака под куполом светлеющего неба, впитывая тревожную смесь грусти и надежды. Тягостные размышления о разрушительной силе человечества переплетались с блаженным восторгом от просыпающейся природы. Вот еще чуть-чуть, и робкое солнце нежно коснулось макушек деревьев. Неловко обняло серые хмурые стволы и обрушилось розовыми лучами на сонную, блестящую росой траву весенних полей. Машина, мягко баюкая меня, неслась вперед, дорога под нами ускользала, уходила, текла как река. Незаметно для себя я уснула.

Тангавор свернул на обочину, достал плед и накрыл спящую Варвару. «Совсем девчонка», – мелькнула и пропала мысль. Волосы выбились из наскоро заплетенной косы и мягкими кольцами окружили безмятежное лицо.

Аттар сел за руль и вернул машину на трассу. Вчера вдруг пришла мысль: может, она? Его настолько накрыло от этой потрясающей идеи, что он едва помнил, как искал телефон и звонил Сотару. Как же неприятно было услышать: «Мы ее проверили сразу... Практически невозможно, чтобы она была той самой». А ведь на какой-то миг Тангавору показалось, что от нее пахнет земляникой. Аттар встряхнул головой и попытался сосредоточиться на дороге. Сколько лет Варваре Лайя было в тот год, шестнадцать? «Практически невозможно», чтобы

он так по-взрослому обнимал и целовал шестнадцатилетнюю девочку. Его пропавшая Шаари-на отвечала в ту ночь на поцелуи так невозможно страстно...

«Практически невозможно»... Аттар с легкой грустью взглянул на спящую Варвару и покрепче вцепился в руль.

Глава 8

Все утро я тихонько дремала в машине, периодически проваливаясь в яркие сновидения. Неожиданно нахлынули воспоминания, которые я запрятала глубоко на дно своей души рядом с кладбищем потерь, с пометкой: «Не доставать, будет больно». Мне снились карнавальная ночь, фейерверки и поцелуи.

А проснувшись, я долго смотрела на залитую высоким солнцем дорогу, прежде чем смогла сбросить дурное непрошеное настроение и улыбнуться Тангавору, который предложил где-нибудь остановиться и перекусить.

Мы нашли чудесную полянку, скрытую от дороги небольшой рощицей. Я удивилась корзинке, собранной добротной, словно женской рукой. Так и оказалось. Аттар с непривычной теплотой рассказал о своей помощнице. Выкладывая знакомые контейнеры на расстеленный плед, я осознала, что тот ужин был тоже собран ею. Лепешки и соус, от которого я млела в прошлый раз. Овощная и сырная нарезки. Россыпь орехов. Явно домашнего приготовления овсяное печенье. И какао! Потрясающее чутье у Ханны-Мэй.

Я лениво пила горячий напиток и рассматривала танцующих в воздухе птиц. Кажется, это скворцы. Они легко и быстро взмывали вверх, потом блестящими веретенами падали вниз, чтобы мелькнуть над самой землей, и снова устремлялись в небо. Я совсем уже и забыла о грустном мифе, как лежащий на спине аттар заговорил:

– Я ведь рассказал не всю историю.

– Да? У нее есть и счастливый конец? – Я не смогла удержаться от сарказма.

– Возможно. – Аттар перевернулся на бок и посмотрел на меня. – Хочешь знать, что случилось дальше с твоим миром?

Я кивнула, не в силах понять, какие ощущения у меня вызывает вот это нарочитое «твоим».

– Боги были ужасно расстроены гибелью первого мира. Хмурый Хаос отвернулся от Матери, не в силах видеть ее слезы, и стал перебирать руками пыль, что осталась от прежнего красивого мира. Он ее пересыпал из ладони в ладонь, собирая все больше и больше, пока не родилась у него одна идея. Напомню, он был не только богом хаоса, а еще и повелителем времени. Обратить его вспять он не мог, но доступно ему было многое. Сжал он собранную пыль мертвого мира и вдохнул в нее свою силу. Остальные боги поняли его идею и стали ему помогать создавать... Нет, не новый мир. А отражение старого. Осколок мертвого мира, заключенный в сферу поддержания. Ради прошлого и ради будущего.

– Я не понимаю...

Аттар помолчал немного и попытался объяснить:

– Это как зоопарк – условия искусственные, звери настоящие... и при этом вольер с обитателями мало отношения имеет к истинному биению жизни.

Я поморщилась. Какое-то нелестное сравнение.

– «Заповедник» звучит лучше? – спросил аттар, заметив мою гримасу. – Боги очень постарались, и живущие ныне там люди не осознают, что они лишь отголоски великого когда-то мира. Застрявшие в возрожденном Ничто. Из пыли, что осталась после смерти первоначального мира, боги создали тринадцать сфер. Но не во всех поселили людей. Каждая из сфер – как памятник всему лучшему, что было в погибшем мире со дня рождения и до уничтожения. У вас есть прекрасная легенда, что мир – это плоская тарелка, которая покоится на трех китах. Каждый осколок мертвого мира действительно похож на плоскую тарелку, только окруженную сферой, призванной уберечь хрупкий, лишенный магии жизни мир от разрушения. Как извне, так и изнутри.

Я долго молчала, обдумывая дикий вариант «счастливого конца» легенды. А потом неловко сказала:

– Это как призраки умерших людей из сказок. Вроде разговаривают, думают, практически существуют, но не живут по-настоящему.

Аттар кивнул:

– Да, призраки. И когда очередной мир погибал, боги заключали лучшие осколки в очередные сферы и помещали к первым. Так и возникли Мертвые миры, или, твоими словами, Призрачные миры.

– Ну и чем этот финал лучше предыдущего?

– Надеждой, – уверенно и с какой-то затаенной нежностью ответил Тангавор и резко встал. – Ну что, едем дальше? Смотреть на другую легенду...

Мы вернулись к машине.

Я долго молчала, а Тангавор лишь поглядывал иногда на меня и тоже не спешил начинать новый разговор. Наконец не выдержала:

– Это какая-то жестокая легенда. Только потому, что богам стало грустно, они решили, что вправе запихивать людей в клетки. А дальше что? Сидеть, наблюдать и тешиться ролью спасителей? Почему просто не создать для людей из погибшего мира новый такой же, чтобы они могли дальше жить?

Тангавор ответил не сразу, словно что-то решал про себя:

– Не все люди одинаково разрушители и созидатели. Иногда среди них рождаются истинные творцы, а иногда настоящие монстры, стремящиеся уничтожить все вокруг. Увы, чем сбалансированнее и благоразумнее раса, тем реже среди них появляются настоящие творцы. Истинные гении рождались только среди перволюдей. А еще только люди умеют так любить и ненавидеть. Бог Хаос заложил в вас абсолютную свободу и безграничные эмоциональные и нравственные возможности. Живопись, музыка, литература... оружие, бомбы, насилие – во всем именно перволюди достигли невероятных высот. Вы были

самыми живыми, самыми прекрасными и одновременно самыми страшными творениями богов.

Мне вдруг стало холодно. Я никак не могла понять, отчего вдруг когтистая лапа тревоги снова скребет по мне. Вслушивалась в слова аттара, такие серьезные и пугающие, и тщетно пыталась вычленить, что именно меня в них напугало.

- Не могу понять: ты то ли восхищаешься людьми, то ли ненавидишь их...

- Боги тоже не смогли определиться... поэтому и не рискнули создавать новый мир, но и окончательно похоронить первых людей тоже не хватило сил.

- Говорю же, жестокая легенда...

Через некоторое время аттар включил музыку. Я сначала удивленно вертела головой, пытаюсь найти источник звуков. А потом с любопытством рассматривала странное устройство, практически спрятанное внутри передней панели. У этих Высших все не как у людей... Мелодия мне была незнакома, но отлично подходила к дороге. Я постаралась отгородиться от беспокоящей меня картинки, как среди бескрайнего черного Ничто летают, словно в мыльных пузырях, осколки погибших миров. Торжественно и печально. Заставила себя вслушиваться в новую музыку и вглядываться в незнакомый пейзаж. Минута... другая... и красивая мелодия начала проникать под кожу, поглаживать напряженные мышцы, заставляя их разжиматься. Я смотрела на дорогу и не сразу заметила, что по щеке катится слеза. Тревоги всегда уходят слезами. Это хорошо. Плохо, что я так и не поняла, почему же славная в целом легенда разбудила внутри меня такое тревожно-мрачное настроение. Что именно в ней так царапало мое подсознание?

Несколько часов мы ехали под восхитительную музыку, где глухой ритм барабанов переплетался с тягучей длинной мелодией. Словно наблюдаешь плавный полет птицы над бескрайними просторами и слышишь, как быстро бьется ее сердце. За окном машины бежали деревья, сменяемые иногда полями с редкими белыми домиками фермеров. А на горизонте все выше и выше поднимались синие горы. Настоящие... У нас в провинции есть свои горы, но тем далеко до Такайямских... Красивые, с заснеженными вершинами, они гордо возвышались высоко над облаками, которые плотным кольцом кружили вокруг них. Труднодоступные склоны, теряющиеся в вечном тумане, всегда манили

бесстрашных авантюристов, но преодолеть их никто так и не смог. Мы ехали прямо на них. И когда они заняли собой весь видимый впереди горизонт, я наконец догадалась, где лучше всего спрятать самое высокое дерево... Среди самых высоких гор.

- Долина Идайн внутри гор. - Я не столько спрашивала, сколько утверждала.

Тангавор улыбнулся и кивнул. Приятно быть такой догадливой. От нетерпения по коже побежали мурашки. Я понимала, что еду всего лишь к громадному дереву, к удивительному гиганту. Уж точно оно не могло быть настоящим Древом Жизни. Но я не стала задавать глупых вопросов и разрушать ощущение сказки. Кому она нужна - правда...

- До перевала доберемся к вечеру.

- Там есть перевал? Никогда не слышала.

- В этом и суть, что о нем никто не знает.

- Только для избранных? - съязвила я.

Но Тангавор сделал вид, что не заметил.

- Для этого есть причины, скоро сама увидишь.

Когда уставшее, потяжелевшее рыжее солнце за нашими спинами стало наваливаться на плечи и целовать в затылок, мы доехали до конца пути. У подножья Такайямских гор было разбросано много туристических баз и кемпингов, в которых и заканчивались все дороги, намекая, что дальше только пешком. Пешком? Через горы? В ночь?

Машина остановилась на полупустой парковке. Было безлюдно и тихо, только две притихшие машины напоминали, что где-то недалеко есть туристы. Я вышла в вечернюю прохладу из теплой машины и посмотрела вверх: голова закружилась от захватывающего вида. По спине от восторга прокатилась волна мурашек. Багряные крутые склоны, увенчанные шапкой золотых облаков. А у подножья гор, среди крупных валунов стояли тонкие деревья, покрытые

зеленым пухом весны. Я невольно раскинула руки и качнулась навстречу. Начала понимать, почему люди так рвутся снова и снова в горы. Эта любовь к мрачному покою вечных холодных исполинов настигла и меня. Пешком? Через горы? В ночь? О да!

Я блаженно улыбалась и вдыхала пряный запах земли и первой травы. Вдруг пьянящий аромат перебил неприятный запах бензина. Обернулась. Аттар достал канистру из багажника и заправлял машину. Он махнул мне рукой:

- Скоро поедem!

- Куда? - Я обескураженно осмотрелась вокруг.

Дорога здесь была лишь одна - та, по которой мы приехали. Тангавор довольно улыбнулся. Было в этот момент в нем что-то мальчишеское, и я невольно улыбнулась в ответ.

Пока я бродила неподалеку и рассматривала горы, аттар достал корзинку для пикника и плед. Несмотря на то что всю дорогу тихонько подъедала сытные орехи, идея перекусить с видом на горы привела меня в неизъяснимое блаженство. А сзади разгорался закат в полнеба, опалявший медовым маревом все вокруг и заполняющий меня томлением предвкушения. Я не могла усидеть на месте. Заворачивала в лепешку очередную порцию сыра, соуса и овощей, медленно топталась или покачивалась с пятки на носок, ощущая, как под ногами слегка пружинит земля. Задрал голову, до рези в глазах вглядывалась в сверкающие на солнце крутые склоны.

Тангавор стоял рядом и, кажется, так же как и я, восхищался моментом. Время для нас словно застыло. В какой-то момент аттар взял меня за руку. Было тепло и странно, я не стала вырываться. В розовеющем воздухе между гор и закатом это было так уместно...

- Варвара... - тихо позвал меня Тангавор.

Я обернулась и посмотрела в его темные глаза, наполненные рыжими всполохами. Красиво.

– Варвара, перевал будет очень сложным. Не физически, – голос аттара доходил до меня словно сквозь туман, – там стоит невидимый глазу барьер, который у вас, людей, вызывает безотчетный страх и уныние. Обычно люди поворачивают назад еще до того, как начинают всерьез ощущать давление барьера, еще при самых первых тревожных ощущениях.

Я моргнула и попыталась вникнуть в смысл его слов. С какой-то легкой досадой подумала, что аттар – словно мед из полыни: сначала сладко, а потом горько. Снова всколыхнулась в памяти легенда, такая прекрасная в начале и такая грустная в конце. Сейчас я наслаждаюсь видом древних Такайямских гор, а впереди меня ждет страх? После испытанного восторга? Рядом с Тангавором я словно на качелях. Может, не стоило с ним ехать... Он как огонь для мотылька – такой притягательный и такой жалящий.

– Варвара... – Аттара приблизился ко мне и обнял лицо ладонями, в его глазах были беспокойство и нежность. Тигр, прячущий клыки и когти. Я замороженно тонула в рыжих глазах, отражающих закат. – Чтобы не поддаться страху, его нужно будет контролировать. Лучший способ – рассказывать о настоящем страхе твоей жизни. Спрятать наносной ужас в настоящем. Слышишь?

– Я не понимаю... – Ноги вдруг стали ватными, в поисках опоры хотелось руками обнять плечи аттара, но я не осмелилась.

– Мы сядем в машину и поедem...

У меня мелькнула и пропала мысль: «Все-таки не пешком».

– ...И ты попробуешь говорить, молчаливая Варвара, попробуешь рассказать о самом плохом событии твоей жизни. Попробуешь управлять страхом своими словами. Ты понимаешь меня?

– Почти. – Какое-то незнакомое томление разливалось по телу, мешая думать.

Кажется удовлетворенный моим ответом, Тангавор подошел невозможно близко и поцеловал меня в лоб, а потом отпустил мое резко ослабевшее тело и стал неспешно собирать остатки скромного пиршества. Мед, сладкий мед с запахом полыни.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Между нами все кончено... Кончено... (англ.) Здесь и далее примеч. авт.

2

С нами покончено? (англ.)

3

Все кончено. (англ.)

4

Это не конец. (англ.)

Купити: https://tellnovel.com/shtorm_mira/nevesta-naprokat-ili-darovannaya-sud-boy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)